

ТАМОР ТООУЛЗ

Роман

ПРАВИЛА ВЕЖЛИВОСТИ

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ
NEW YORK TIMES

«Шоссе Линкольна»

и «Джентльмен
в Москве»

Амор Тоулз. От автора Джентльмена в Москве

Амор Тоулз

Правила вежливости

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Тоулз А.

Правила вежливости / А. Тоулз — «Эксмо», 2011 — (Амор Тоулз. От автора Джентльмена в Москве)

ISBN 978-5-04-188588-5

«Правила вежливости» — первый роман автора бестселлеров New York Times. Уже продано более одного миллиона копий. Книга принесла колоссальный успех Амору Тоулзу, написавшему впоследствии «Джентльмена в Москве» и «Шоссе Линкольна». Последний вечер 1937 года. Кэти Контент вместе со своей подругой Ив посещают второсортный джаз-бар Гринвич-Виллидж, чтобы отпраздновать канун Нового года. Пока девушки пытаются разделить оставшиеся у них три доллара, соседний столик занимает обаятельный молодой банкир. Тинкер Грей, так его имя, угощает подруг коктейлем и заводит светский, ни к чему не обязывающий разговор. Так случайная встреча приводит Кэти в высшие круги нью-йоркского общества, где ей не на что будет положиться, кроме ее остроумия и собственного хладнокровия. ДОЛГОЖДАННОЕ ИЗДАНИЕ ДЕБЮТНОГО РОМАНА АМОРА ТОУЛЗА!

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-188588-5

© Тоулз А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Предисловие	6
Зима	13
Глава первая	13
Глава вторая	25
Глава третья	32
Глава четвертая	39
Весна	48
Глава пятая	48
Глава шестая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Амор Тоулз

Правила вежливости

Роман

Amor Towles
Rules of Civility

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Cetology, Inc., 2011

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Предисловие

Четвертого октября 1966 года мы с Вэлом – нам обоим было тогда уже за пятьдесят – присутствовали на открытии выставки «Много званных» в Музее современного искусства; это была первая выставка фотографических портретов, сделанных Уокером Эвансом¹ скрытой камерой в нью-йоркском метро в конце 1930-х годов.

Выставка явилась событием весьма незаурядным, из разряда тех, которые журналисты, ведущие колонку общественной жизни, называют грандиозными. Мужчины были в смокингах, что как бы перекликалось с черно-белой палитрой фотографий, а женщины – в ярких платьях самой разнообразной длины: от шиколотки до середины бедра. Молодые безработные актеры с безупречно красивыми лицами с ловкостью акробатов подавали на маленьких круглых подносах шампанское. Собственно фотографиями большинство присутствующих почти не интересовались, целиком поглощенные приятной возможностью выйти в свет и развлечься.

Некая молодая особа, явно занимающая в обществе видное положение, была уже изрядно пьяна и, неловко споткнувшись, чуть не сбила меня с ног. Впрочем, в таком состоянии она была здесь далеко не одна. В последнее время даже на официальных приемах стало вполне приемлемым, даже стильным, напиться еще до восьми вечера.

Пожалуй, это не так уж трудно понять. К 50-м годам XX века Америка успела прибрать к рукам чуть ли не весь земной шар, заставив многие страны даже мелочь из карманов вытряхнуть. Европа превратилась в бедную родственницу – сплошные гербы и никаких застолий. А всевозможные неотличимые друг от друга страны Африки, Азии и Южной Америки только-только становились заметны, точно саламандры под солнцем, на картах, развешанных в школьных классах. Правда, где-то еще существовали и коммунисты, но, поскольку Джо Маккарти² был уже в могиле, а до Луны вообще пока никто не добрался, русские пока что прокрадывались в основном на страницы шпионских романов.

Так что в те времена все мы были в большей или меньшей степени охвачены неким пьянящим чувством. Мы взмывали в вечерние небеса подобно искусственным спутникам и кружили над нашим городом, двигаясь по внеземной орбите на высоте двух миль, снабжаемые энергией за счет падения иностранных валют и хорошо очищенного алкоголя. За обеденным столом мы что-то орали, стремясь перекрыть друг друга, а потом тайком уединялись в пустых комнатах с чужими женами и мужьями. Мы пиروвали с энтузиазмом и невоздержанностью греческих богов, но утром ровно в 6.30 просыпались с ясной головой и прекрасным настроением, готовые вновь приступить к работе за столами из нержавеющей стали, и чувствовали себя при этом кормчими мировой экономики.

Но в тот вечер в центре внимания был вовсе не знаменитый фотограф. В свои шестьдесят с лишним, исхудав от безразличия к пище настолько, что оказался не в состоянии даже смокинг заполнить собственным телом, Эванс выглядел настолько печальным и невыразительным, словно был не художником, а только что вышедшим на пенсию менеджером среднего звена из

¹ Уокер Эванс (1907–1975) – американский фотограф и государственный деятель, известный как защитник фермерских хозяйств во время Великой депрессии. Название данной выставки взято из Евангелия от Матфея, 22–14: «... Ибо много званных, а мало избранных». (Здесь и далее прим. пер. Примечания автора и редактора оговорены особо.)

² Джозеф Маккарти (1908–1957) – сенатор-республиканец крайне правых политических взглядов, сторонник гонки вооружений и «холодной войны». Связанное с ним понятие «маккартизм» является синонимом реакционной политики.

«Дженерал моторс». Время от времени кто-то нарушал его уединение, чтобы сделать комплимент выставленным работам или высказать некое замечание, но в целом он по четверти часа подряд в полном одиночестве неловко жался в углу точно самая уродливая девушка на танцах.

Нет, глаза всех были прикованы отнюдь не к Эвансу, а к некоему молодому, но уже лысеющему писателю, недавно ставшему настоящей сенсацией, ибо он накатал роман о любовных похождениях и изменах собственной матери. В сопровождении издателя и рекламного агента он с неприятной улыбкой лукавого неопита принимал комплименты от тесного кружка литературных фэнов.

Эл с любопытством поглядывал на толпу лизоблюдов, старательно вилявших хвостом перед новомодным писателем. Сам он мог с легкостью зарабатывать \$ 10 000 в день, ухитрившись, например, слить воедино швейцарский универсальный магазин и американскую ракетостроительную фирму, но за всю жизнь так и не научился понимать, каким образом подобный болтун способен породить вокруг себя такой шум.

Видимо, рекламный агент был из тех, кто всегда помнит о своем окружении, ибо он, перехватив мой взгляд, дружески помахал мне рукой. Я помахала в ответ, взяла мужа под руку и сказала:

– Пойдем, дорогой. Давай все-таки и на фотографии посмотрим.

Мы прошли в следующий зал, где было уже не так многолюдно, и стали неспешно обходить его по периметру. Почти все снимки представляли собой сделанные в горизонтальной плоскости портреты одного или двух пассажиров сабвея, сидевших рядом и точно напротив фотографа.

Вот спокойный молодой обитатель Гарлема в шутливо сдвинутом набок котелке и с маленькими французскими усиками.

А вот сорокалетний тип в очках, в пальто с меховым воротником и в широкополой шляпе, придающей ему вид бухгалтера из гангстерской фирмы.

Две незамужние девицы из парфюмерного отдела универмага «Мейси» – обеим хорошо за тридцать – имеют весьма кислый вид, явно понимая, что лучшие их годы уже позади, однако брови у обеих подкрашены, а ресницы и вовсе невероятной длины, как говорится «отсюда и до Бронкса».

Тут некий «он»; там некая «она».

Тут молодое лицо, там – старое.

Этот явный щеголь, а тот одет в убогие обноски.

Эти фотографии, хоть и были сняты более двадцати пяти лет назад, никогда раньше на публике не выставлялись. Эванс, по всей видимости, проявлял должное уважение к личному пространству своих «объектов». Подобное предположение, возможно, звучит несколько странно (или даже излишне самоуверенно), если учесть, что фотографировал он этих людей в таком людном месте, как метро. Но стоит увидеть их лица, глядящие на тебя со стены, и сомнения Эванса становятся понятны. Ведь, если честно, на этих фотографиях как бы зафиксированы мгновения абсолютной душевной обнаженности самых разных людей. Погруженные в свои мысли, уверенные в надежности той маски анонимности, какую они всегда надевают во время ежедневных поездок на метро, и абсолютно не подозревая о фотоаппарате, нацеленном прямо на них, почти все «объекты» невольно раскрывают перед другими свое внутреннее «я».

Любой человек, которому приходится дважды в день ездить на метро, чтобы заработать себе на хлеб насущный, знает, как это происходит: ты садишься в вагон с тем же выражением лица, с каким обычно общаешься с коллегами и знакомыми. С этим выражением лица ты прошел через турникет и раздвигающиеся двери вагона, и пассажиры, сидящие там, практически сразу могут сказать, какой ты на самом деле – самоуверенный, дерзкий или, напротив, осто-

рожный; влюбчивый или равнодушный; обеспеченный или живущий на пособие. Но вот ты нашел себе местечко, поезд движется дальше, приходит на одну станцию, на другую, часть пассажиров уже покинула вагон, их место заняли другие люди, вагон уютно, как люлька, покачивается, и постепенно твоя тщательно оберегаемая внешняя оболочка начинает с тебя соскальзывать. Твое супер-эго как бы растворяется, а мысли переключаются на твои личные заботы и мечты, которые ты как бы перебираешь про себя; мало того, ты словно погружаешься в некую благодатную полудрему, внутри которой, кажется, на задний план отступают любые проблемы и заботы, а их место занимают спокойствие и безмолвие космоса.

Такое случается со всеми. Вопрос лишь в том, сколько кому остановок нужно проехать. Некоторым достаточно двух. Другим трех. Остановки мелькают. Шестидесят восьмая улица. Пятидесят девятая. Пятидесят первая. Центральный вокзал Нью-Йорка Гранд-Сентрал. Какое это все-таки огромное облегчение – несколько минут полной свободы от собственного внутреннего стража, когда взгляд утрачивает определенность, а душа обретает то единственное ощущение настоящего покоя, какое дает лишь изоляция от общения с людьми.

Непосвященным, по-моему, этот фотографический обзор должен был доставить немалое удовольствие. Молодые адвокаты, начинающие сотрудники банков и отважные светские девушки, проходя по залам выставки и глядя на эти фотографии, наверняка думали: *Как ловко снято! Какая художественная находка! Наконец-то мы видим истинное лицо человечества!*

Но для тех из нас, кто был молод в запечатленный на фотографиях период времени, «объекты» мастера выглядели как призраки прошлого.

* * *

1930-е годы...

Каким же мучительным было это десятилетие!

Мне было шестнадцать, когда разразилась Великая депрессия. Я была уже достаточно взрослой, чтобы понимать: все мои мечты и ожидания, порожденные волшебным блеском двадцатых годов, оказались с легкостью разрушены. Создавалось впечатление, что Депрессия в Америке была запущена специально для того, чтобы дать Манхэттену урок.

После Катастрофы, как часто именуют этот период, вряд ли можно было услышать, как на тротуар со стуком падают тела голодных, и все же в воздухе словно слышалось некое коллективное «ах!», а после этого сразу наступила мертвая тишина, накрывшая город как снежное покрывало. Огни едва мерцали. Музыкальные ансамбли и всевозможные джаз-банды сложили свои инструменты, и толпы людей потихоньку побрели на выход.

Затем преобладающие ветры сменили направление и теперь стали дуть с востока, принося пыль из Оки³ и засыпая ею Нью-Йорк аж до Сорок второй улицы. Над городом клубились тучи пыли, оседая на газетных стендах и парковых скамейках, окутывая блаженных и проклятых, как пепел Помпеи. У нас вдруг появились собственные настоящие «Джоуды»⁴ – плохо одетые, оголодавшие, точно жители осажденного города, они, с трудом волоча ноги, брели по переулкам мимо разожженных в бочках костров, мимо трущоб и ночлежек, ночуя под опорами мостов и медленно, но упорно продвигаясь в сторону внутренних районов Калифорнии, которые были столь же нищими и неспособными выполнить данные людям обещания, как и все

³ Оки (Okies) в США называют жителей штата Оклахома. В 1930-е годы это название приобрело негативный оттенок, будучи применяемо к бедным переселенцам из Оклахомы и соседних с ней штатов.

⁴ Джоуды (Joads) – семейство бедных фермеров из Оклахомы в романе Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» (1939).

остальные штаты. Нищета и бессилие. Голод и безнадежность. И все это продолжалось до тех пор, пока наш путь не осветило знамение грядущей войны.

Да, фотографические портреты людей, сделанные Уолкером Эвансом в 1938–1941 годах скрытой камерой в нью-йоркском метро, безусловно, являли собой «лицо человечества», но это было лишь одно из его лиц, точнее, лицо того его племени, которое было подвергнуто наказанию.

* * *

В нескольких шагах от нас молодая женщина с удовольствием рассматривала развешанные на стенах фотографии. Ей было максимум года двадцать два. Похоже, каждый портрет вызывал у нее приятное удивление – казалось, она находится в портретной галерее старинного замка, где на нее из рам смотрят величественные лица его обитателей, живших невероятно давно. Она даже раздумывалась от волнения, встретившись с могуществом неведомой ей ранее красоты, и я невольно испытала даже некую легкую зависть.

Я-то эти лица помнила так хорошо, словно видела их только вчера. В глазах застарелая усталость и уныние; взгляды, не ищущие и не встречающие сочувствия. Все это было мне даже слишком хорошо знакомо. Я словно вошла в лобби какого-то отеля в совершенно неизвестном мне городе, и, как неожиданно оказалось, его обитатели своей одеждой и манерой держаться были настолько схожи со мной, что мне стало не по себе: я боялась вот-вот наткнуться среди них на кого-то из тех, кого мне видеть совсем не хотелось.

Между прочим, как раз нечто подобное и случилось.

– Это Тинкер Грей, – сказала я, когда Вэл уже перешел к следующей фотографии.

Он вернулся, подошел ко мне и снова посмотрел на портрет молодого мужчины лет двадцати восьми, плохо выбритого, в сильно поношенной куртке.

Он был худющий, фунтов двадцать ему явно не хватало, и юношеский румянец практически исчез со щек, которые выглядели, прямо скажем, грязноватыми. Зато глаза так и сияли, а взгляд был на редкость живым и целеустремленным, и на губах играла едва заметная улыбка – казалось, он сам внимательно всматривается в лицо того, кто его тайком фотографирует. А может, это он сейчас изучает наши теперешние лица? – вдруг подумала я. Просто взял да и ненадолго заглянул к нам в гости спустя три десятилетия, с легкостью преодолев временную пропасть, полную встреч и разлук. Во всяком случае, выглядел он на редкость естественно.

– Тинкер Грей... – задумчиво промолвил Вэл, что-то смутно припоминая. – По-моему, среди знакомых моего брата был один Грей, только он был банкиром...

– Да, – сказала я. – Это тот самый и есть.

Вэл еще внимательней взгляделся в портрет, проявляя вежливый интерес к человеку, знакомому по давним временам и явно пережившему немало трудностей. Впрочем, у него наверняка возникла пара вопросов, поскольку он знал, как близко я была знакома с этим человеком. Однако он сказал лишь: «Просто поразительно», – и, как всегда, слегка нахмурился.

В то лето, когда мы с Вэлом начали встречаться, нам обоим лишь слегка перевалило за тридцать, то есть мы разминулись в нашей взрослой жизни не так уж сильно, всего на какой-то десяток лет; но оказалось, что и это довольно существенно. За этот период были прожиты целые жизни, иной раз получавшие неправильное направление. Этих лет оказалось достаточно,

чтобы, как сказал поэт, «и уничтожить, и сотворить чудо» – или, по крайней мере, оправдать того, чья рука швырнула свой вопрос «тебе на блюдо»⁵.

Но Вэл вряд ли относил к числу добродетелей привычку оглядываться назад; он всегда вел себя как истинный джентльмен – и в отношении тайн моего прошлого, и в отношении многого другого.

Но тут я сама решила пойти на уступку и пояснила:

– Тинкер был и моим приятелем. Мало того, какое-то время одним из самых близких моих друзей. Однако мы расстались еще до войны, и с тех пор я даже имени его не слышала.

И Вэл тут же распрямил нахмуренные брови.

Возможно, его успокоила обманчивая простота моих объяснений. Он еще раз и очень внимательно посмотрел на портрет Тинкера и сокрушенно покачал головой, как бы отводя этому случайному совпадению должное место и подтверждая мысль о том, сколь несправедливой к людям была Великая депрессия.

– Просто поразительно, – повторил он, но уже с большим сочувствием. Затем взял меня под руку и мягко повлек дальше.

Время от времени мы на минуту задерживались перед той или иной фотографией и переходили к следующей. Только теперь уже лица этих случайных людей, запечатленных фотографом, мелькали передо мной, не задерживаясь в памяти и практически не привлекая моего внимания – так мелькают перед тобой лица тех незнакомцев, что поднимаются тебе навстречу по соседнему эскалатору. Собственно, я почти не воспринимала их.

Увидев улыбку Тинкера...

Оказалось, что и после стольких лет я к этому не готова. У меня было ощущение, словно меня треснули по башке.

Возможно, виновато просто мое благодушие. Точнее, самодовольство – сладостное, ни на чем не основанное самодовольство крепко стоящей на ногах жительницы Манхэттена, достигшей так называемого среднего возраста, – но, входя в этот музей, я была готова подтвердить под присягой, что достигла в своей жизни поистине идеального равновесия. Наш брак с Вэлом был союзом двух столичных душ и умов, так же плавно и неизбежно устремленных в будущее, как тянутся к солнцу раскрывшиеся цветки нарциссов.

И все же, как оказалось, в данный момент все мои мысли были обращены в прошлое. Отвернувшись от идеалов дня нынешнего и от всех тяжким трудом заработанных благ, я всей душой устремилась назад, к сладостной неуверенности того года со всеми его случайными знакомствами – тогда эти знакомства казались мне совершенно неожиданными и невероятно возбуждающими, но со временем все они обрели некое сходство с судьбой.

Да, на меня прямо-таки нахлынули воспоминания, и передо мной как живые предстали Тинкер, Ив, Уоллес Уолкотт, Дики Вандервайл, Анна Гранден. Перед глазами вновь замелькали, точно при поворотах калейдоскопа, те яркие картинки, что придавали цвет и форму моей жизни в 1938 году.

И я, стоя рядом с мужем, вдруг почувствовала, что хочу сохранить воспоминания об этом времени только для себя.

Но вовсе не потому, что некоторые из этих воспоминаний носили скандальный характер и могли бы шокировать Вэла или даже угрожать нашему гармоничному браку – как раз наоборот, если бы я вздумала разделить их с Вэлом, он, пожалуй, стал бы мне еще дороже. Нет,

⁵ В рассуждения героини вплетаются строки из поэмы Т. Элиота (1885–1965) «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока»: «...есть время для того, // Кто лепит для свиданья облики, // Уничтожает, сотворяет чудо, // Для тех, кто трудится, и время для руки, // Швыряющей вопрос тебе на блюдо...». (Пер. Виктории Терентьевой).

дело было в том, что мне не хотелось ни с кем этими воспоминаниями делиться. Не хотелось растворять их в словах, не хотелось их обескровливать.

А более всего мне сейчас хотелось остаться одной. Хотелось выйти за пределы того сияющего круга, внутри которого я теперь существовала. Хотелось просто зайти в бар любого отеля и выпить. А еще лучше было бы взять такси и поехать в Виллидж, как у нас называют Гринвич-Виллидж. Поехать просто так впервые не помню уж за сколько лет...

Да, на той фотографии Тинкер выглядел настоящим бедняком. Он выглядел бедным, голодным и явно не имевшим в будущем особых перспектив. Зато он был молод, бодр, полон сомнений и желания их разрешить. В общем, был каким-то невероятно живым.

У меня вдруг возникло такое ощущение, будто глаза этих людей на фотографиях устремлены прямо на меня. Что они наблюдают за мной, эти призраки подземки, усталые и одинокие, с пониманием вглядываясь в мое лицо и обнаруживая на нем следы тех компромиссов, которые всегда придают лицам стареющих людей выражение некой затаенной печали, которая, впрочем, у каждого своя.

И тут Вэл меня удивил.

– Все, идем отсюда, – решительно заявил он.

Я удивленно вскинула на него глаза, и он улыбнулся.

– Идем-идем. Лучше придем еще раз как-нибудь утром, когда здесь не будет такого столпотворения.

– О'кей.

Центральный зал и впрямь оказался битком забит народом, так что нам пришлось оглядывать его по боковым проходам, а потому на фотографии мы уже почти не глядели. Я лишь мельком замечала глядевшие на нас со стен глаза, и мне казалось, что это глаза заключенных, которые теперь видят мир только сквозь маленькое квадратное окошко в стене своей камеры, максимально безопасной для других людей, оставшихся на свободе. Эти глаза неотрывно смотрели мне вслед и словно спрашивали: *А куда это ты так спешишь?* И уже почти у выхода из музея одна из фотографий все-таки заставила меня внезапно остановиться.

Я невольно улыбнулась, однако улыбка эта была больше похожа на гримасу.

– В чем дело? – встревожился Вэл.

– Это опять он.

На стене между фотографическими портретами двух пожилых женщин я снова увидела Тинкера. На этой фотографии он был чисто выбрит, на нем было кашемировое пальто, свежая хрустящая сорочка, сшитая на заказ, и галстук, завязанный сложным виндзорским узлом.

Вэл был так удивлен, что, схватив меня за руку, подтащил так близко к портрету, что до него оказалось не больше фута.

– Ты хочешь сказать, что это тот же парень, что и на предыдущей фотографии?

– Да.

– Быть этого не может!

Вэл помчался обратно, желая еще раз рассмотреть первый портрет. И мне даже через забитый народом зал было видно, как внимательно он изучает грязноватое лицо молодого бродяги, выискивая какие-то отличительные детали. Вскоре он вернулся и снова уставился на портрет молодого красавца в кашемировом пальто, чуть ли не утыкаясь в него носом.

– Невероятно! – вырвалось у него. – Неужели это действительно один и тот же человек?

– Пожалуйста, отойдите от произведения искусства, – строго сказал нам охранник.

Мы послушно отошли, но Вэл никак не мог успокоиться.

– Если не знать, так наверняка скажешь, что это два совершенно разных человека.

– Да, ты прав, так оно и есть, – подтвердила я.

– Значит, он все-таки сумел снова встать на ноги!

Вэл внезапно пришел в хорошее настроение, мысленно проделав путешествие от поношенной куртки к элегантному кашемировому пальто и тем самым восстановив свойственное ему оптимистичное отношение к жизни.

– Нет, – возразила я. – Этот снимок был сделан раньше, чем тот, в куртке.

– То есть как?!

– А так. Та фотография сделана позже этой. Уже в 1939 году.

Я ткнула пальцем в табличку.

– Смотри: это снимок 1938 года.

Трудно винить Вэла в том, что он ошибся. Вполне естественно было предположить, что эта фотография, в кашемировом пальто, более поздняя – и не только потому, что она вывешена в одном ряду с более поздними работами Эванса. На этой фотографии 1938 года Тинкер выглядит не только процветающим, но еще и кажется несколько старше своих лет; здесь у него и лицо полнее, и выражение этакое прагматичное, с оттенком всемирной усталости, как если бы в его жизни череда успехов тянула за собой еще и парочку довольно-таки безобразных истин. Тогда как на снимке, сделанном годом позже, он похож на двадцатилетнего юношу мирного, довоенного, времени и кажется полным жизненной энергии, бесстрашным и немного наивным.

Вэла, похоже, смутила подобная метаморфоза.

– Ох, – сказал он, – мне так жаль...

И снова взял меня за руку, сокрушенно качая головой и сочувствуя не только Тинкеру, но и всем нам.

– Значит, как говорят русские, из князей в грязь?⁶ – спросил он.

– Нет, – возразила я, – не совсем так.

Нью-Йорк, 1969

⁶ А. Тоулз использует обратную форму выражения «from rags to riches» («из лохмотьев к богатству», что соответствует русской поговорке «из грязи в князи»).

Зима

Глава первая Дружба прежних дней⁷

Был последний вечер 1937 года.

Поскольку никаких лучших планов и перспектив у нас не имелось, Ив, моя соседка по комнате, поволокла меня в «Хотспот»⁸, заведение в Гринвич-Виллидж, страстно желавшее называться ночным клубом и расположенное на четыре фута ниже уровня земли.

Обстановка в этом клубе нисколько не свидетельствовала о том, что сейчас канун Нового года. Там не было ни маскарадных шляп, ни ярких ленточек серпантина, ни бумажных труб. В задней части помещения, как бы нависая над маленьким пустым танцполом, джазовый квартет наигрывал популярные мелодии типа «любил-он-забыл-он», но пока без вокалиста. Саксофонист, печальный великан с невероятно черной кожей цвета машинного масла, явно заплутал в лабиринте своего чересчур затянувшегося соло. Однако контрабасист, мулат с кожей цвета кофе-с-молоком и маленькими усиками, придававшими его лицу почтительное выражение, сопровождал его весьма осторожно, стараясь его не торопить. *Бум, бум, бум*, наигрывал он раза в два медленнее биения человеческого сердца.

Немногочисленные посетители казались столь же заторможенными, как и музыканты. Никому явно и в голову не пришло принарядиться. По углам, правда, сидели парочки, но в целом романтикой и не пахло. Те, что были по-настоящему влюблены друг в друга или в деньги, собрались в кафе «Сосайти» за углом и медленно покачивались в танце под свинги, исполняемые маленьким джаз-бандом. В ближайшие лет двадцать весь мир будет сидеть в таких вот полуподвальных клубах, слушая, как некий мрачный и необщительный солист изливает с помощью своего инструмента собственную душевную боль и неустроенность; но в тот последний вечер 1937 года если вам и приходилось слушать всего лишь квартет, то только потому, что вы не могли себе позволить послушать большой оркестр, или потому, что у вас не было особой причины встречать Новый год радостным колокольным звоном⁹.

Нам обстановка в «Хотспот» показалась чрезвычайно уютной.

На самом деле мы толком не понимали, что именно слушаем, но могли с уверенностью сказать, что получали от этого определенную пользу. Такая музыка не пыталась ни пробудить в нас некие надежды, ни погубить их, зато обладала приятным ритмом и большим запахом искренности. Уже одного этого было вполне достаточно, чтобы оправдать наше нежелание остаться дома, и мы отнеслись к нашему визиту в «Хотспот» соответственно: обе недели

⁷ В качестве названия этой главы А. Тоулз использует название шотландской песни на стихи Р. Бернса «Auld Lang Syne» (Old Long Since, 1788), которая в переводе С. Маршака называется «Старая дружба». Слова из нее неоднократно встречаются в романе.

⁸ Hotspot (Горячее местечко) – название выдуманное. А. Тоулз вставляет в повествование как вымышленные названия различных мест, так и исторически оправданные. Такие места, как «Бересфорд», клуб «21» и «Рейнбоу рум» действительно существуют в Нью-Йорке и открыты до сих пор. А «Чернов», «La Belle Epoque», «Chinoiserie» и др. являются вымышленными.

⁹ Джаз, по всей очевидности, являет собой как бы «задник» разворачивающегося в книге действия. Как раз примерно в 1938 году в американском джазе произошел переход от биг-бенда, игравшего чаще всего в стиле «свинг», к более интроспективным маленьким группам, исполнявшим более сложные композиции в стиле «боп». Одной из вех этого перехода стал «двухчасовой» биг-бенд Бенни Гудмена, выступивший в январе 1938 года с джазовыми композициями в Карнеги-Холл – это было первое выступление джаза в этом священном зале, и оно стало знаменитым благодаря тому, что вывело на большую сцену джаз (и чернокожих исполнителей) и дало возможность слушать его значительно более широкой аудитории. (Прим. авт.)

удобные туфли без каблуков и простые черные платья. Хотя я заметила, что Ив, как бы желая подчеркнуть свое собственное «я», под платье надела свое самое лучшее белье, некогда украденное ею в магазине.

* * *

Ивлин Росс...

Ив была одной из тех удивительных красоток, что рождаются на американском Среднем Западе.

В Нью-Йорке с первого взгляда кажется – и с этим нетрудно согласиться, – что самые соблазнительные его жительницы родом из Парижа или Милана. И все-таки они в меньшинстве. Куда больше красивых женщин приезжает в Нью-Йорк – и порой буквально целыми стаями – из тех американских штатов, где люди отличаются особенно крепким здоровьем; чаще всего названия этих штатов начинаются на букву «И» (Индиана, Иллинойс и т. д.). Там люди с детства имеют в достатке свежий воздух, удобное простое жилище и сколько угодно невежества; в итоге родившиеся среди тамошних кукурузных полей примитивные блондинки вырастают прекрасными, как звездный свет, но имеют вполне человеческий облик: руки, ноги, голову и все остальное. Ранней весной практически каждое утро одна из этих красавиц потихоньку выскальзывает из дверей родного дома, запасшись сэндвичем, завернутым в целлофан, и, подняв руку, останавливает любой автобус дальнего следования, идущий на Манхэттен – в тот великий город, где так приветствуется и ценится все красивое и где, даже если тебя примут и не сразу, по крайней мере, обязательно прикинут, вдруг и ты на что-нибудь сгодишься.

Одним из больших преимуществ, которыми обладали девушки со Среднего Запада, было то, что их порой невозможно было отличить друг от друга и понять, кто из какой семьи. Ничего не стоит, например, отличить девушку из богатой нью-йоркской семьи от девушки из бедных кварталов. То же самое и в отношении уроженок Бостона. Девушки из этих городов различаются хотя бы по выговору и манере держаться. Однако у того, кто родился и вырос в Нью-Йорке, всегда возникает ощущение, что все девушки со Среднего Запада выглядят и разговаривают одинаково. Нет, на самом деле они, конечно, принадлежат к разным классам общества, росли в разных домах, ходили в разные школы, однако их объединяет удивительная покорность, свойственная жительницам Среднего Запада и сводящая практически на нет все их различия в благосостоянии и привилегиях. Или, возможно, эти различия (особенно очевидные у уроженок Де-Мойна, штат Айова, который, как известно, тоже начинается на «И», *Iowa*) становятся практически незаметны для нас в связи с невероятным разнообразием собственно нью-йоркских социоэкономических страт – они, подобно тысячам слоев ледниковых образований, начинаются с мусорного ящика в Бауэри¹⁰ и заканчиваются в райском пентхаусе. В общем, нам, ньюйоркцам, *все* эти девушки казались типичной деревенщиной: чистенькие, с вытаращенными от удивления глазами и страшно богобоязненные, хотя и не без греха.

Ив принадлежала как раз к верхней экономической страте общества Индианы. Ее отец ездил в офис на автомобиле, предоставленном компанией, а ей подавали на завтрак бисквиты, нарезанные в кладовой негритянкой¹¹ по имени Сэйди. Ив два года проучилась в пансионе благородных девиц и целое лето провела в Швейцарии, якобы изучая французский язык. Однако, войдя в бар и впервые ее увидев, вы не сумели бы определить, кто она: выросшая на кукуруз-

¹⁰ Бауэри – улица в нижнем Манхэттене, издавна известная проживающими там бедняками и пьяницами. (Прим. авт.)

¹¹ Слово «негритянка» (негр) я использую исключительно для обозначения афроамериканцев; слово «черный» в этих целях никогда не используется. Это, возможно, удивит кое-кого из американских читателей, поскольку история рассказывается как бы из середины 1960-х годов. Однако и в то время слово «негр» было еще вполне употребимо; оно, например, сплошь и рядом встречается в знаменитой речи Мартина Лютера Кинга «Я мечтаю». (Прим. авт.)

ном хлебе охотница за состоятельным женихом или миллионерша, любящая всласть покутить. Единственное, что вы наверняка поняли бы сразу, – перед вами настоящая красавица. А значит, возможность знакомства с этой девушкой – дело не такое уж сложное.

Ивлин, естественно, была натуральной блондинкой. Ее чудесные волосы, ниспадавшие на плечи, летом выгорали до цвета сухого песка, а к осени приобретали золотистый оттенок, соответствуя цвету зрелой пшеницы в ее родной Индиане. У нее были тонкие черты лица, ярко-голубые глаза и маленькие ямочки на щеках, так идеально расположенные, что казалось, будто к внутренней стороне каждой щеки у нее прикреплен маленький стальной кабель, который слегка втягивал щеку, когда Ив улыбалась. Правда, ростом она была невелика, всего пять футов пять дюймов, зато отлично умела танцевать на высоких каблуках и ловко сбрасывала с ног туфельки, едва усевшись на колени к своему кавалеру.

Надо отдать ей должное, в Нью-Йорке Ив вела исключительно честный образ жизни. Она прибыла туда в 1936 году, захватив с собой достаточно отцовских денег, чтобы снять отдельную комнату в пансионе миссис Мартингейл, а затем, отчасти воспользовавшись отцовскими связями, получила место ассистента по маркетингу в издательстве «Пембрук Пресс», рекламируя как раз те книги, читать которые старательно избегала в школе.

На второй вечер своего пребывания в пансионе Ив, садясь за стол, случайно задела тарелку со спагетти и все ее содержимое вывалила мне на колени. Миссис Мартингейл, сообщив нам, что пятна лучше всего выводить белым вином, принесла из кухни бутылку столового шабли и отправила нас в ванную комнату. Мы немножко побрызгали вином на мою юбку, а остальное выпили, сидя на полу и подпирая спинами дверь.

Как только Ив получила на работе свой первый чек, она решила не только отказаться от отдельной комнаты, но и свои расходы перестала оплачивать за счет отца, обретя уверенность в собственных силах. Однако уже через несколько месяцев отец прислал ей конверт с пятьюдесятью десятидолларовыми купюрами и нежным посланием, в котором говорилось, как он ею гордится. Деньги Ив моментально отправила обратно, причем с такой поспешностью, словно они были заражены туберкулезной бациллой.

– Я готова перенести любые тяготы, – сказала она, – но не выношу, когда меня пытаются прижать к ногтю.

И теперь мы уже вместе старались выжить любыми способами. Мы до последней крошечки съедали все, что подавали в пансионе на завтрак, а ланч попросту пропускали, оставаясь голодными. Мы обменивались одеждой с девушками с нашего этажа. Мы сами друг друга стригли. А вечером в пятницу позволяли парням, которых даже и целовать-то не собирались, угощать нас выпивкой; правда, если кто-то угощал нас обедом, такого щедрого можно было и поцеловать разок, не имея, впрочем, ни малейшего намерения целовать его дважды. Иногда в дождливые среды, когда «Бендел»¹² был битком набит женами обеспеченных людей, Ив, надев свою лучшую юбку и жакет, отправлялась туда, поднималась в лифте на второй этаж и, зайдя в примерочную, запихивала себе в трусики украденные шелковые чулки. А когда нам случалось опоздать с оплатой жилья, именно она играла роль плакальщицы: стоя у дверей миссис Мартингейл, ручьем лила слезы, пресные, как вода Великих Озер.

¹² Дорогой магазин, который и впоследствии появляется на страницах романа в одном ряду с «Бергдорфом» и «Саксом». (Прим. авт.)

* * *

А в канун Нового года наш первоначальный план на вечер состоял в том, чтобы растянуть имевшиеся в наличии три доллара, насколько это будет возможно. Заморачиваться с парнями мы не собирались. Слишком многие из них в течение 1937 года уже попытались счастья в нашей компании, ну а на тех, кто опоздал это сделать, тратить последние часы уходящего года нам совершенно не хотелось. Мы собирались уютно посидеть в этом недорогом баре, где к музыке относились весьма серьезно, где к двум симпатичным девушкам никто не приставал и где джин был достаточно дешев, чтобы мы могли хотя бы раз в час заказать себе по мартини. Мы, правда, намеревались курить несколько больше, чем это позволено в приличном обществе, а после столь скромной встречи Нового года попросту сходить на Вторую авеню в украинскую столовую, где даже среди ночи подавали дежурное блюдо всего за пятнадцать центов – кофе, яйца и тост.

Однако к половине десятого оказалось, что мы пьем уже «одиннадцатичасовой» джин. А в десять «выпили» и предполагаемые яйца с тостом. На двоих у нас оставалось четыре «никеля», и во рту с утра не было ни крошки. В общем, решили мы, пора начинать импровизировать.

Правда, Ив уже и так занялась делом – строила глазки басисту. Это у нее было что-то вроде хобби. Ей нравилось хлопать ресницами, кокетливо поглядывая на музыкантов, когда они играют, а в перерывах между музыкальными номерами спрашивать, не найдется ли у них сигареты. Этот басист был, безусловно, весьма симпатичным, даже, пожалуй, красивым той необычной красотой, которая свойственна большинству креолов, но он был настолько поглощен исполнением своей музыкальной партии, что порой, забывшись, играл, глядя в жестяной потолок. Похоже, чтобы привлечь его внимание, требовалась не иначе как Господня воля, ибо Ив уже буквально из кожи вон лезла, но у нее по-прежнему ничего не получалось. Я попыталась ее отвлечь и предложила «завоевать» бармена, но прислушаться к голосу разума она оказалась не в настроении. Она просто закурила и бросила спичку через плечо – «на счастье». Теперь нам поскорее нужно отыскать какого-нибудь доброго самаритянина, подумала я, иначе мы тоже будем вынуждены строить глазки жестяному потолку.

И как раз в этот момент в клуб вошел *он*.

Ив заметила его первая. Она в это время отвернулась от сцены, чтобы отпустить какое-то замечание в адрес музыкантов, и увидела его, глядя мне через плечо. Она тут же пнула меня под столом в лодыжку и слегка мотнула головой, указывая на нового посетителя. Я чуть передвинула свой стул и украдкой скосила в ту сторону глаза.

Выглядел он потрясающе. Рост – полных пять футов десять дюймов; черный смокинг; на руке роскошное пальто; волосы каштановые, глаза синие, а на каждой щеке ровно в центре небольшое, как звездочка, пятнышко румянца. Легко можно было себе представить, как один из его предков стоял, скажем, у руля судна «Мейфлауэр»¹³, привычно устремив взор к линии горизонта, а соленый морской ветер шевелил его густые волнистые волосы.

– Чур, мой! – тихо сказала Ив.

Застыв на несколько мгновений у входных дверей, он дал глазам возможность привыкнуть к царившему в клубе полумраку, а затем с этой удобной позиции принялся высматривать кого-то среди собравшихся. Он явно пришел сюда для того, чтобы с кем-то встретиться, и, судя по выражению его лица, был несколько разочарован, не обнаружив того, кто был ему нужен.

¹³ «Мейфлауэр» считается самым первым кораблем, в 1620 г. доставившим первых переселенцев, отцов нации, в Новую Англию.

Когда он сел за соседний с нами столик, то первым делом еще раз внимательно осмотрел зал, а затем коротким жестом подозвал официантку, небрежно бросив свое пальто на спинку стула.

О, это было прекрасное пальто. Из кашемира цвета верблюжьей шерсти, но, пожалуй, чуть светлее, примерно как кожа того басиста; новенькое, без единого пятнышка, словно он впервые надел его и пришел сюда напрямик от портного. Стоило это пальто, должно быть, долларов пятьсот. А может, и больше. Ив просто глаз с него не сводила.

Официантка осторожно приблизилась к новому клиенту, поглядывая на него, как кошка из-за угла дивана в гостиной. На мгновение мне даже показалось, что она сейчас выгнет спину и начнет требовательно царапать когтями его рубашку. Приняв заказ, она чуть отступила назад и наклонилась, чтобы он мог полюбоваться тем, что у нее под блузкой. Однако он, похоже, не обратил внимания на ее ухищрения.

Он заказал скотч тоном вполне дружелюбным и вежливым, уже одним этим оказав официантке чуть больше внимания, чем полагалось. Ожидая, пока ему принесут виски, он откинулся на спинку стула и снова принялся изучать зал. Взгляд его постепенно переместился с барной стойки на джаз-оркестр, и тут он краем глаза заметил Ив. Она все еще не сводила глаз с его пальто. Увидев, куда она смотрит, он смущенно покраснел, поняв, что, высматривая в толпе присутствующих нужного ему человека и подзывая официантку, не заметил, что бросил свое пальто на спинку стула, стоявшего за нашим столом.

– Ох, простите, – сказал он. – Впрочем, с моей стороны это поистине *непростительная* небрежность!

Он встал, собираясь перевесить пальто, но мы хором заверили его:

– Нет, нет, все в порядке! Здесь все равно никто не сидит. Вам незачем беспокоиться.

Он помолчал, потом спросил:

– Вы уверены?

– Абсолютно, – сказала Ив.

Вновь появилась официантка с заказанным скотчем. Она уже повернулась, чтобы уйти, когда он вдруг попросил ее задержаться, а нам предложил выпить что-нибудь с ним вместе – «в последний раз в старом году», как он изящно это сформулировал.

Нам уже было совершенно ясно, что для него минувший год был таким же, как это дорогое пальто, – удачным, с успехами в работе и свидетельствами немалых доходов. Все повадки этого молодого мужчины говорили о том, что он абсолютно уверен в себе, но при этом питает этаким демократический интерес к тому, что его окружает; кроме того, в нем чувствовалось спрятанное в глубине души дружелюбие, свойственное обычно только тем представителям молодого поколения, которые выросли в обществе людей обеспеченных, знающих себе цену и умеющих должным образом держаться. Таким людям даже в голову не приходит, что их присутствие может оказаться нежелательным в некоем непривычном для них окружении – и, как результат, они действительно крайне редко в таком окружении оказываются.

Когда мужчина первым предлагает двум привлекательным девушкам выпить с ним вместе, можно ожидать, что он заведет с ними разговор вне зависимости от того, кого именно он ждет. Но наш прекрасно одетый самаритянин и не подумал заговорить с нами. Один раз отсалютовав бокалом в нашу сторону и дружески нам кивнув, он затем принялся по глоточку цедить виски, все свое внимание обратив на музыкантов.

После того как те исполнили еще две популярные мелодии, Ив начала беспокойно ерзать, то и дело посматривая в сторону этого красавчика и ожидая, что он хоть что-нибудь нам скажет. Хоть что-нибудь. Один раз, правда, невольно встретившись с ней глазами, он вежливо улыбнулся. Я была почти уверена: как только музыканты доиграют очередную мелодию, Ив первой начнет с ним разговор, даже если для этого ей придется «нечаянно» опрокинуть свой стакан с джином прямо ему на колени. Однако и этой возможности ее лишили.

Завершив очередной номер, музыканты впервые за последний час сделали более длительную паузу, во время которой саксофонист вдруг пустился в разъяснения насчет следующей композиции. У него был густой, сочный бас, который отлично подошел бы проповеднику. Он рассказал, что эта новая композиция, имеющая непосредственное отношение к Африке, посвящена пианисту с Тин Пен Эллей¹⁴ по имени Хокинс Серебряный Зуб, умершему в тридцать два года. Называлось это произведение «Тинканнибал».

Легкими туго переплетенными звуками саксофонист как бы наметил нужный ритм, и барабанщик тут же поймал его и поддержал с помощью своих щеток. К барабанщику присоединились пианист и басист, а саксофонист слушал своих партнеров, качая в такт головой, а потом и сам влился в синкопированную, будто скачущую легким галопом мелодию, постепенно перехватывая инициативу. Затем саксофон вдруг резко вскрикнул, как если бы кто-то его испугал, а сам исполнитель мгновенно перемахнул через ограду и исчез.

Лицо у нашего соседа было растерянным, как у туриста, которому жандарм объясняет, что он совершенно заблудился. Случайно встретившись со мной глазами, он изумленно пожал плечами, и я засмеялась. Он тоже засмеялся и спросил:

– Ну а мелодия-то в этом произведении была или нет?

Я чутьочку придвинулась к нему, притворившись, будто плохо его расслышала, и даже немного наклонилась, но все же не так низко, как та официантка.

– Что вы сказали?

– Да мне просто интересно, была ли там какая-то мелодия.

– А, мелодия как раз на минутку вышла. Покурить, наверное. Ничего, она скоро вернется. Если я не ошибаюсь, вы ведь не музыку слушать сюда пришли?

– Неужели это так заметно? – застенчиво улыбнулся он. – Вообще-то я брата ищу. Вот он как раз фанат джаза.

Я даже через стол слышала, как нервно затрепетали ресницы Ив. Роскошное кашемировое пальто и новогодняя встреча с братом. Разве любой девушке этого не достаточно?

– Не хотите ли, пока ждете его, к нам присоединиться? – спросила она.

– О, не хотелось бы вам навязываться...

(Ну вот, теперь еще и слово «навязываться»! Мы такие выражения далеко не каждый день слышали.)

– Но вы нам ничуть не *навязываетесь*, – упрекнула его Ив.

Мы немного подвинулись, освобождая ему место, и он перебрался за наш столик.

– Теодор Грей, – представился он.

– Ого! Теодор! – воскликнула Ив. – Даже Рузвельт именовал себя Тедди.

Теодор рассмеялся.

– Друзья зовут меня Тинкер¹⁵.

Ну, разве так трудно было догадаться? Представители WASP¹⁶ очень любят давать своим детям прозвища, соответствующие самым обычным профессиям: Тинкер. Купер. Смифи. Возможно, для них это звучит как эхо семнадцатого века, когда их предки, высаживаясь в Новой Англии в сапогах с кожаными петельками на голенищах, были представителями тех самых, связанных с ручным трудом профессий, которые обеспечивали им не только крепкое здоро-

¹⁴ Tin Pan Alley, «переулочек жестянок», – собирательное название американской коммерческой музыкальной индустрии конца XIX – начала XX в. Также часть 28-й улицы на Манхэттене, где с 1920-х годов сосредоточены основные фирмы, нотные магазины и агентства, специализирующиеся на развлекательной музыке.

¹⁵ Tinker (англ.) – медник, лудильщик; Купер (cooper) – бондарь; Смифи (smith) – кузнец.

¹⁶ White Anglo-Saxon Protestants, белые англосаксонские протестанты, – популярное в середине XX века идеологическое клише, обозначающее привилегированное происхождение, так называемую американскую «аристократию», людей, родившихся «с серебряной ложкой во рту».

вье, но и такую ценимую Господом добродетель, как скромность. А может, это просто способ вежливо подчеркнуть, что именно им на роду написано получить от жизни все.

– Меня зовут Ивлин Росс, – сказала Иви, ловко забрасывая крючок с помощью своего полного имени. – А ее Кейти Контент.

– Кейти Контент! Ничего себе! И вы действительно всем довольны¹⁷?

– Ничуть.

Тинкер поднял свой стакан с дружеской улыбкой.

– Ну, тогда выпьем за то, чтобы нам в 1938 году быть всем довольными.

* * *

Братец Тинкера так и не появился, что было нам только на руку. Около одиннадцати Тинкер подозвал официантку и заказал бутылку шампанского.

– У нас тут «баббли»¹⁸ сроду не водилось, мистер, – удивилась она. Она вообще вела себя гораздо сдержанней, поскольку Тинкер пересел за наш столик.

И тогда он решил присоединиться к нам и заказал всем джин.

Ив явно была в ударе и рассказывала всякие смешные истории о двух девицах, с которыми вместе училась в своем пансионе. Девушки соперничали за звание королевы бала на встрече выпускников¹⁹ – примерно так соперничали Вандербильт и Рокфеллер, решая, кому называться самым богатым человеком в мире. В итоге одна из девиц запустила в дом соперницы скунса, когда там состоялась праздничная вечеринка с танцами. Соперница ответила тем, что в день славного шестнадцатилетия «подруги» вывалила тачку навоза на лужайку прямо под окнами ее дома. В итоге матери обеих устроили драку на крыльце церкви Святой Марии, словно соревнуясь в ловкости и количестве выдеранных друг у друга волос. Преподобный отец О'Коннор, которому следовало бы быть осмотнительней, попытался вмешаться, но тут досталось и ему самому.

Тинкер так хохотал, что возникало ощущение, будто ему давно уже вообще не доводилось смеяться. Это искреннее веселье словно высветило все его Богом данные черты – улыбку, глаза, чудесный румянец на щеках.

– А что о себе расскажете вы, Кейти? – спросил он.

– Кейти у нас выросла в Бруклине, – поспешила сообщить ему Ив таким тоном, словно этим можно было хвастаться.

– Правда? Ну и как это было?

– Да так себе, – ответила я. – Во всяком случае, не уверена, что у нас выбирали королеву бала.

– Даже если б у вас и был такой праздник, ты бы все равно на него не пошла, – заявила Ив и, наклонившись к Тинкеру, конфиденциальным тоном сообщила: – Кейти – самый настоящий книжный червь. Если сложить в стопку все книги, которые она за свою жизнь прочитала, то и до Млечного Пути достанешь.

– До Млечного Пути!

¹⁷ Английское слово content имеет два значения и два различных ударения; cóntent – это содержание, суть; а contént – довольство, чувство удовлетворения. Фамилия Кейти не раз обыгрывается в романе и далее.

¹⁸ Bubbly (англ.) – шипучка.

¹⁹ Homescoming, «возвращение домой» – встреча выпускников университета или колледжа, которая на Среднем Западе часто привязана к началу футбольного сезона; на этой встрече выбирается королева, homescoming queen. (Прим. авт.)

– Ну, может, до Луны, – согласилась я.

Ив предложила Тинкеру сигарету, но он вежливо отказался, однако, не успела она поднести свою сигарету к губам, как у него наготове была зажигалка. Из чистого золота. И с выгравированными инициалами.

Ив отклонила голову назад и, собрав губы трубочкой, выпустила в потолок струю дыма. Потом спросила:

– Ну, Теодор, теперь ваша очередь о себе рассказывать.

– Пожалуй, стопки тех книг, которые я за свою жизнь прочитал, хватит, только чтобы удобней было садиться в такси.

– Нет, я не о книгах спрашиваю, – сказала Ив. – О *себе-то* вы можете что-нибудь нам рассказать?

И Тинкер рассказал. По его краткому рассказу было легко понять, что перед нами типичный представитель элиты: родом из *Массачусетса*; учился в *колледже Провиденса*; затем работал в *одной маленькой фирме на Уолл-стрит* – а точнее, родился Тинкер в Бэк-Бей, учился в Университете Брауна и теперь работает в банке, основанном его дедушкой. Обычно подобная попытка чуть отклонить магнитную стрелку выглядит настолько неискренней, что это действует на нервы, но с Тинкером все было иначе: казалось, он искренне боится, что тень Лиги Плюща²⁰, в одном из университетов которой он получил свой диплом, может испортить нам все веселье. Завершил он тем, что сказал, что живет *в верхнем городе*.

– Где именно? – с «невинным» видом спросила Ив.

– 2-11-Сентрал-Парк-Вест! – чуть смущенно сказал он.

2-11-Сентрал-Парк-Вест! «Бересфорд»! Знаменитое здание! Двадцать два этажа роскошных квартир, расположенных террасами!

Ив под столом снова пнула меня в лодыжку. Впрочем, у нее хватило здравомыслия сменить тему. Она стала расспрашивать Тинкера о брате. Какой он? Старше или моложе? Выше ростом или ниже?

Оказалось, что Генри Грей старше Тинкера и ниже его ростом. Он художник, живет в западной части Гринвич-Виллидж. Когда Ив спросила, каким словом его лучше всего можно охарактеризовать, Тинкер, немного подумав, назвал слово «непоколебимый» и пояснил, что его брат всегда знал, кто он и чего хочет.

– Звучит несколько утомительно, – сказала я.

Тинкер засмеялся.

– Да, наверное, не правда ли?

– И, пожалуй, скучновато, – предположила Ив.

– О нет! Он – личность определенно не скучная.

– Ну а нам, видно, так и суждено колебаться из стороны в сторону, – сказала я.

В какой-то момент Тинкер извинился и вышел. Прошло пять минут, потом десять. Мы с Ив уже начали немного нервничать. Вряд ли он был из тех, кто способен подставить девушек и вынудить их расплатиться по счету, но четверть часа в общественной уборной – это даже для девушки слишком долго. Нас уже начинала охватывать паника, когда он наконец объявился. Раскрасневшийся. Пахнувший холодом. Казалось, даже ткань его дорогого смокинга пропиталась ледяным нью-йоркским воздухом. Он держал за горлышко бутылку шампанского и сиял, как школьник-прогулыщик, которому удалось поймать рыбу за хвост.

– Удалось-таки! – воскликнул он и тут же вытащил из бутылки пробку. Пробка ударила в жестяной потолок, что вызвало массу недовольных взглядов, и только басист кивнул нам и

²⁰ Группа престижных колледжей и университетов северо-восточных штатов США, таких как Йель, Гарвард, Принстон, Браун и др., имеющих высочайший образовательный рейтинг.

улыбнулся, сверкнув зубами из-под усиков и подбодрив нас ритмичным *бум-бум-бум* на контрабасе.

Тинкер разлил шампанское по нашим пустым бокалам.

– Теперь нам нужно решить, за что будем пить.

– У нас тут сроду никто ничего не решает, мистер.

– А лучше, – предложила Ив, – давайте что-нибудь пожелаем друг другу.

– Гениально! – сказал Тинкер. – Чур, я первый! В 1938 году вы обе...

Он оглядел нас с головы до ног.

– ...должны перестать быть такими стеснительными.

Мы обе рассмеялись.

– Ладно, – сказал Тинкер. – Теперь ваша очередь.

Ив не заставила себя ждать.

– А вам в новом году хорошо бы выбраться из проторенной колеи!

Она даже бровь приподняла и чуть прищурилась, словно бросая ему вызов. На мгновение Тинкер оторопел. Ив явно задела в его душе некую чувствительную струну. Потом он медленно кивнул, улыбнулся и сказал:

– Какое чудесное пожелание! Но, пожалуй, для кого-то другого, а не для себя самого.

Близилась полночь, с улицы все более отчетливо доносился шум веселящейся толпы и гудки автомобилей, и мы решили присоединиться к общему веселью. Тинкер щедро расплатился новенькими купюрами²¹. Ив схватила его шарф и повязала им себе голову как тюрбаном. Затем, слегка спотыкаясь, мы пробрались между столиками и вышли в ночь.

Снаружи все еще шел снег.

Ив и я заняли позицию по обе стороны от Тинкера, взяли его под руки и прислонились к его плечам, словно прячась от холода. Мы повели его по Уэверли в сторону парка Вашингтон-сквер, откуда доносился веселый шум. Когда мы проходили мимо какого-то стильного ресторана, оттуда вышли две пары средних лет и уселись в поджидавший их автомобиль. Когда они уехали, швейцар, заметив Тинкера, сказал:

– Еще раз спасибо вам, мистер Грей.

Вот, оказывается, где был источник нашего шампанского, полученного благодаря щедрым чаевым!

– Вам спасибо, Пол, – откликнулся Тинкер.

– Счастливого Нового года, Пол, – сказала Ив.

– И вам того же, мэм.

Припудренные снежком, улицы вокруг Вашингтон-сквер выглядели совершенно волшебно. В белые одежды нарядились деревья и ворота в парк. Некогда фешенебельные особняки из песчаника, которые летом обычно несколько утрачивали свой лоск, сейчас ненадолго приободрились, словно окутанные флером сентиментальных воспоминаний. В доме № 25 занавески на втором этаже были раздвинуты, и оттуда словно выглядывал с застенчивой завистью призрак Эдит Уортон²². Милая, проникательная, бесполоая, она наблюдала и за нашей идущей мимо ее окон троицей, думая о том, когда же любовь, которую она так искусно воображала, наберется храбрости и постучится в ее дверь. Когда она явится к ней в неурочный час и станет

²¹ Тема «новеньких купюр», неоднократно возникающая в романе, всегда связана с Анной Гранден – это ее деньги появляются в руках Тинкера (гл. 1), Ив (гл. 9), Анны (гл. 19), Хэнка (гл. 24). Вообще деньги здесь часто передают из рук в руки: например, те 50 десятидолларовых банкнот, которые отец присылает Ив, Ив отсылает отцу обратно, а тот передает их Кейти, которая в итоге тратит их на свой день рождения. (Прим. авт.)

²² Эдит Уортон (1862–1937) – американская писательница и дизайнер; за роман «Эпоха невинности», в котором описаны нравы американского «позолоченного» века и нью-йоркской аристократии, получила Пулитцеровскую премию.

требовать, чтобы ее пропустили, а потом, протолкнувшись мимо дворецкого, ринется вверх по пуританской лестнице, настойчиво зовя ее, Эдит, по имени.

Боюсь, что никогда.

Чем ближе мы подходили к центральной части парка, тем более конкретные формы начало приобретать столпотворение у фонтана. Собственно, это была толпа студентов университета, собравшаяся, чтобы как можно громче отметить наступление Нового года. Дешевый оркестрик наяривал регтайм. Почти все молодые люди были во фраках, с галстуком-бабочкой, и только четыре новичка-первокурсника были в коричневых свитерах, украшенных греческими буквами²³, и выполняли функции официантов, пробираясь сквозь толпу и наполняя бокалы. Какая-то молодая женщина, на которой было явно маловато одежды, старательно изображала дирижера оркестра, но музыканты то ли по неопытности, то ли из полного безразличия все время исполняли одну и ту же мелодию, повторяя ее снова и снова.

Внезапно музыка смолкла, подчинившись взмаху руки какого-то молодого человека, вскочившего на садовую скамью с мегафоном в руках. Держался он на редкость самоуверенно и был похож то ли на старшину шлюпки, то ли на инспектора манежа в цирке для аристократов.

– Дамы и господа, – провозгласил он, – очередной годовой цикл вот-вот завершится!

Взмахнув рукой, он подал знак кому-то из своей когорты, и на скамье рядом с ним появился пожилой мужчина в серой робе, с мощной искусственной бородой из ваты и с картонной косой в руках. Он был похож на Моисея в спектакле Школы драматического искусства. Но на ногах держался уже, пожалуй, не слишком уверенно.

Бодрый молодой человек, похожий на инспектора манежа, достал длиннющий свиток, конец которого доставал до земли, развернул его и начал строго перечислять старцу в серой робе его проступки и достижения, имевшие место в 1937 году: *рецессия... Гинденбург...*²⁴ *тоннель Линкольна!*²⁵ Затем, вновь воздев свой мегафон, он стал призывать 1938 год скорее явить себя. Откуда-то из-за кустов появился еще один грузный член студенческого братства, облаченный всего лишь в подгузник, взобрался на скамью и, веселя толпу, попытался продемонстрировать мускулы. В этот момент у старика в серой робе начала отваливаться борода; сперва она повисла на одном ухе, и стало видно, какое у «старого года» худое, мрачное и плохо выбритое лицо. Это, должно быть, был какой-то пьяный бездельник или безработный, которого студенты извлекли из дальней аллеи, пообещав денег или вина. Соблазн был велик, однако реальная действительность страшила больше, и бедолага вдруг начал озираться с таким видом, с каким озирается бродяга, попавший в руки охранников порядка.

С энтузиазмом торговца «инспектор манежа» начал, указывая на разные части обнаженного тела «Нового года», всячески рекламировать его достоинства: гибкость, устойчивость, предприимчивость, активность.

– Идемте тоже туда! – воскликнула Ив и со смехом устремилась вперед.

Но Тинкер, похоже, не имел особого желания присоединиться к общему веселью. Как и я.

Мне захотелось курить, и я вытащила из кармана пальто пачку сигарет.

Тинкер тут же извлек свою зажигалку и подошел ближе, заслоняя меня от ветра.

С наслаждением выдохнув струю дыма, я глянула на Тинкера: он смотрел куда-то вверх, любуясь снежными хлопьями, медленно кружившими в свете уличных фонарей. Потом снова

²³ Студенческие братства в университетах и колледжах США обычно имеют свою символику из трех греческих букв. (Прим. авт.)

²⁴ Жесткий дирижабль «Гинденбург», названный в честь президента Германии Пауля фон Гинденбурга, потерпел аварию в 1937 г. на авиабазе в Нью-Джерси; катастрофа унесла 36 жизней.

²⁵ Тоннель Линкольна построен под рекой Гудзон между «мидтауном» Манхэттена и г. Вихокен в штате Нью-Джерси.

посмотрел в сторону шумной толпы веселившихся студентов; вид у него при этом стал совершенно похоронный, и я не выдержала:

– Никак не могу определить, – сказала я, – кого вам больше жаль, старый год или новый. Он сдержанно улыбнулся.

– А что, этим мой выбор и ограничивается?

Внезапно одному из участников веселья, стоявшему на краю толпы, кто-то угодил в спину снежком. А когда он и еще два его приятеля обернулись, одному из них снежок угодил прямо за шиворот и исчез в складках рубахи.

Мы тоже попытались разглядеть стрелка и обнаружили, что это какой-то мальчишка лет десяти. Укрывшись за садовой скамейкой, он в своих четырех слоях зимней одежды выглядел так, как обычно выглядит самый толстый мальчик в классе. «Снарядами» он, видимо, запасся заранее: справа и слева от него высились целые пирамиды снежков высотой по пояс. Должно быть, так готовились к атаке и те, что получили известие о наступлении английских солдат непосредственно от Пола Ревира²⁶.

Застигнутые врасплох, трое студентов застыли с раскрытыми ртами. А мальчишка, воспользовавшись их растерянностью, один за другим выпустил точно в цель еще три снаряда.

– Пора прикончить этого щенка, – мрачно заметил один из троих без малейшего намека на шутку.

Они принялись соскребать снег прямо у себя под ногами, лепить снежки и метать их в юного агрессора.

Я снова закурила и приготовилась насладиться этим боем, но тут мое внимание привлекли некие неожиданные события, происходившие среди праздновавших Новый год студентов. Взобравшись на скамью, тот одетый в подгузник парень, изображавший Новый, 1938 год, вдруг запел *Auld Lang Syne*, «Старую дружбу». Голос его, безупречный фальцет, звучал так чисто и сердечно и в то же время был столь бесплотным, точно это жалоба гобоя плыла над тихими водами озера. Его пение придавало новогодней ночи какую-то волшебную красоту, и, хотя предполагалось, что эту песню непременно будут петь с ним вместе хотя бы несколько человек, все же больше никто не осмелился поддержать его хотя бы одной нотой, так заворочила всех неземная красота его голоса.

Когда он с изысканной точностью завершил мелодию финальным рефреном, то сперва воцарилась полная тишина, и лишь спустя некоторое время в толпе стали раздаваться радостные возгласы, а «инспектор манежа» благодарно положил руку на плечо певца, как бы заверяя его, что свое дело тот сделал отлично. Затем «инспектор» снял свои часы и поднял руку, призывая всех к молчанию.

– Так, теперь внимание. Полная тишина. Готовы?.. Десять! Девять! Восемь!..

В центре толпы я заметила Ив. Она возбужденно махала нам рукой, звала к себе.

Я повернулась, чтобы взять Тинкера за руку – но оказалось, что он исчез.

Слева от себя я видела опустевшие аллеи парка, справа в свете фонаря мелькнул одинокий силуэт какого-то плотного приземистого человека. Я снова повернулась в сторону Уэверли и наконец заметила Тинкера. Он скорчился за садовой скамейкой рядом с тем мальчишкой, отбивая атаки членов студенческого братства. Обретя столь неожиданное подкрепление, мальчишка метал снежки с еще более решительным, чем прежде, видом, а уж Тинкер просто сиял – от его улыбки, казалось, можно было бы зажечь все имеющиеся на Северном полюсе светильники.

²⁶ Пол Ревир (1735–1818) – американский предприниматель, серебряных дел мастер во втором поколении, один из самых прославленных героев американской революции, ярый федералист; знаменит также тем, что делал пушки.

* * *

Когда мы с Ив вернулись домой, было уже почти два часа ночи. Обычно двери в нашем пансионе запирали в полночь, но по случаю праздника комендантский час был продлен, и многие девушки постарались по максимуму воспользоваться этим послаблением. В гостиной было пусто и уныло. По полу рассыпано невинное конфетти, на пристенных столиках недопитые стаканы с сидром. Увидев это, мы обменялись самодовольными взглядами и пошли к себе наверх.

Мы обе как-то притихли, словно надеясь еще хоть ненадолго удержать над собой ауру сегодняшнего везения. Ив, стянув через голову платье, сразу направилась в ванную. Кровать у нас была одна на двоих, и Ив всегда старательно ее стелила и отворачивала перед сном уголки одеял, как это делает прислуга в гостинице. Я считала сущим безумием все эти излишние маленькие приготовления, но сегодня сама в кои-то веки аккуратно расстелила постель, а затем вытащила из своего ящика для белья коробку из-под сигар, чтобы, прежде чем лечь спать, ссыпать туда несколько неистраченных никелей, как меня учили в детстве.

Но когда я сунула руку в карман пальто, чтобы вытащить кошелек, то нащупала там нечто тяжелое и гладкое. Загадочный предмет оказался зажигалкой Тинкера. Только теперь я вспомнила, что сама – отчасти подражая Ив – взяла у него эту зажигалку, чтобы закурить во второй раз. И это было как раз перед тем, как зазвонил новогодний колокол.

Я уселась в отцовское светло-коричневое кресло – это был единственный принадлежавший мне предмет мебели – и, приподняв крышечку зажигалки, щелкнула кремнем. Пламя сразу же вспыхнуло, распространяя противный запах бензина, и я новым щелчком загасила его.

Зажигалка была приятно тяжеленькой и очень гладкой, словно отполированной тысячами джентльменских жестов. Изящная гравировка – инициалы Тинкера – была сделана в традиции Тиффани; можно было с легкостью определить каждую букву, всего лишь проведя ногтем большого пальца по ее очертаниям. Но там была не только его монограмма. Под инициалами было выбито еще кое-что в стиле ювелира-любителя, оформляющего, скажем, аптеку, и выглядело это примерно так:

TGR

1910–?

Глава вторая

Солнце, луна и звезды

На следующее утро мы оставили у швейцара в «Бересфорде» записку для Тинкера, но подписываться не стали.

*Если хочешь увидеть свою зажигалку в живых, приходи на угол
Тридцать четвертой и Третьей улиц в 6.42 вечера. Но приходи один.*

Я давала процентов пятьдесят на то, что он, возможно, придет. Ив сто десять. Надев плащи и спрятавшись в тени эстакады, мы смотрели, как он вылезает из такси. На нем была джинсовая рубашка и роскошная куртка из стриженной дубленки.

- Подними воротник, приятель, – сказала я, и он послушно поднял.
- Попадались ли колдобины в твоей колее? – подначила его Ив.
- Да нет, проснулся я как обычно. Потом мы, как всегда, сразились в сквош и пошли на ланч...
- Большинство людей начисто забывают о делах до второй недели января.
- Возможно, я просто слишком медленно начинаю?
- Возможно, тебе просто помощь нужна?
- О, помощь мне определенно нужна!

Мы завязали ему глаза темно-синим шарфом и повели на запад. Он был паинькой – шел уверенно и не вытягивал перед собой руки, словно только что ослеп. Он полностью подчинялся, и мы повлекли его в нужном направлении, пробираясь сквозь праздничную толпу.

Снова пошел снег – отдельные крупные хлопья, которые, медленно кружась, опускались на землю и иногда садились нам на волосы.

- Снег идет? – спросил Тинкер.
- Никаких вопросов.

Мы пересекли Парк-авеню, Мэдисон, Пятую авеню. Наши собратья-ньюйоркцы скользили мимо, проявляя чисто зимнее равнодушие. Когда мы пересекли Шестую авеню, вдали завиднелся двадцатифутовый шатер кинотеатра «Капитолий», вознесшийся над Тридцать четвертой улицей. Выглядело это так, словно океанский лайнер врезался носом прямо в фасад здания. Из его дверей на холодную улицу изливалась толпа зрителей после только что закончившегося дневного сеанса. Люди выглядели веселыми и слегка расслабленными, явно чувствуя некую приятную усталость, столь характерную для первого дня нового года. Услышав их голоса, Тинкер спросил:

- Куда мы идем, девушки?
- Тихо, – предостерегли мы его и свернули в переулок.

Крупные серые крысы, опасаясь падающих снежных хлопьев, шныряли среди пустых табачных жестянок. Над головой у нас паутиной взползли вверх по стенам пожарные лестницы. Единственным источником света была здесь маленькая красная лампа над запасным выходом из кинотеатра. Мы прошли мимо и, выжидая, спрятались за мусорным баком.

Я сняла с глаз Тинкера повязку и прижала палец к губам.

Ив, сунув руку под блузку, ловко извлекла оттуда старый черный бюстгальтер, одарила нас ослепительной улыбкой и подмигнула. Затем она скользнула к ближайшей пожарной лестнице и, встав на цыпочки, зацепила конец бюстгальтера за нижнюю ступеньку у себя над головой.

После чего вернулась к нам, и мы стали ждать.
Без десяти семь.

Семь ровно.

В десять минут восьмого дверь запасного выхода со скрипом отворилась, и оттуда появился пожилой капельдинер в красной униформе. У него был такой вид, словно он спасается от пытки фильмом, который видел тысячу раз. Под падающими снежными хлопьями он был похож на деревянного солдата из балета «Щелкунчик», который всего лишь потерял свою треуголку. Осторожно притворив за собой дверь, он сунул в щель программку, чтобы дверь не захлопнулась. Снег, падая сквозь паутину пожарных лестниц, оседал на фальшивых погонах его униформы. Прислонившись к косяку двери, служитель вытащил из-за уха сигарету, закурил и с наслаждением выдохнул дым, улыбаясь, как философ, которому наконец-то удалось как следует наесться.

Он затаился еще по крайней мере раза три, прежде чем заметил висящий на лестнице бюстгальтер. Пару минут он созерцал его с безопасного расстояния, затем затушил бычок о стену, подошел к пожарной лестнице и устоялся на бюстгальтере, склонив голову набок и словно пытаясь прочесть ярлычок. Потом, оглядевшись, он аккуратно снял бюстгальтер с пожарной лестницы, некоторое время подержал его на весу, а потом прижал к лицу.

Мы моментально проскользнули в приоткрытую дверь, убедившись, что программка осталась на месте.

Затем мы, как обычно, присели и, передвигаясь почти на корточках, прошли через весь зал, стараясь держаться ниже уровня экрана и направляясь в противоположное крыло. У нас за спиной на экране шла хроника: Рузвельт и Гитлер по очереди махали рукой, сидя в длинных черных лимузинах с откидным верхом. Мы вышли в лобби, поднялись по лестнице и в темноте пробрались на последний ряд балкона.

В конце концов мы с Тинкером не выдержали и захихикали.

– Ш-ш-ш, – прошипела Ив.

Когда мы с лестницы выходили на балкон, Тинкер придержал дверь, и Ив устремилась вперед. В итоге мы уселись так: Ив ближе к центру ряда, далее я, а сбоку Тинкер. Случайно перехватив взгляд Ив, я заметила ее притворную улыбку; похоже, она считала, что я специально все подстроила, чтобы сесть именно так.

– И часто вы такое проделываете? – шепотом спросил Тинкер.

– Как только предоставляется возможность, – сказала Ив.

– Ш-ш-ш! – с недовольным видом повернулся к нам какой-то тип, и в этот момент экран померк.

Тут же по всему залу замерцали, как светлячки, огоньки зажигалок. Затем экран снова ожил, засветился, и начался фильм.

Это был «День на скачках»²⁷. Типичный фильм с участием братьев Маркс²⁸, чрезмерно напичканный всевозможными трюками, однако с фальшивыми, будто картонными, образами героев, которые словно требовали уважать условность действия. Зрители вежливо все это терпели, но вскоре появление Граучо заставило всех сесть прямо и начать аплодировать – казалось, это комик поистине шекспировского масштаба, вернувшийся на сцену после преждевременного ухода на пенсию.

Пока шла первая часть фильма, я вытащила коробочку «Жужубы»²⁹, а Ив извлекла пинту ржаного виски. Мы по очереди угощались, и, когда наступала очередь Тинкера, мне приходилось встряхивать коробочку, чтобы привлечь его внимание.

²⁷ «День на скачках» (A Day at the Races) – комедия Сэма Вуда (1937).

²⁸ Братья Маркс – американские комедийные актеры (пятеро), чаще всего снимавшиеся в комедиях абсурда, напичканных разнообразными драками, пощечинами и тортами, залепленными в физиономию. Самый известный – Граучо Маркс (1890–1977).

²⁹ Жевательные конфетки, по форме и цвету напоминавшие китайский финик зизифус, или жужубу. В начале XX в.

Пинта сделала один круг, потом второй. Когда она опустела, Тинкер, внеся свой вклад в общее дело, вытащил из кармана серебряную фляжку в кожаном футляре. Когда фляжка попала ко мне, я на ощупь почувствовала вытисненные на коже те же буквы: TGR.

Мы постепенно пьянели и ржали теперь так, словно это был самый смешной фильм в нашей жизни. А когда Граучо осматривал пожилую даму, Тинкеру со смеху даже слезы пришлось утирать.

В какой-то момент мне страшно захотелось в туалет. Не в силах дольше терпеть, я выскользнула на лестницу и бросилась в дамскую комнату. Помочилась, не садясь на сиденье унитаза, и так торопилась, что до смерти перепугала сидевшую у дверей матрону. Но к тому времени, как я вернулась в зал – хотя я вряд ли пропустила больше чем одну сцену, – Тинкер уже сидел посредине. И было совсем нетрудно представить себе, как именно произошло это перемещение.

Я плюхнулась на его место, думая о том, что если бы вела себя менее аккуратно, то наверняка вскоре обнаружила бы целый грузовик свежего навоза *на своей лужайке*.

Но если молодые женщины и обладают большим опытом в искусстве мести, подыскивая порой самые маргинальные способы, то у Вселенной ко всему свой собственный подход: обычно это «око за око». И пока Ив, хихикая, что-то шептала на ухо Тинкеру, я почувствовала у себя на плечах его чудесную меховую куртку, еще хранившую тепло его тела. Снег на воротнике куртки растаял, и мускусный запах мокрого меха смешивался с легким приятным ароматом пены для бритья.

Когда я впервые увидела Тинкера в этой куртке, меня поразил его несколько искусственный внешний вид – это явно был человек, родившийся и выросший в Новой Англии, однако одет он был как герой фильма Джона Форда³⁰. Только этот запах намокшего под снегом меха делал его пижонскую куртку чем-то более аутентичным, более соответствующим сезону. И я внезапно представила себе Тинкера верхом на лошади где-нибудь на опушке леса или под высоченным сводом небес на ранчо, принадлежащем семье какого-нибудь его однокурсника, с которым они делят комнату в общежитии... и они там охотятся на оленей, вооружившись старинными ружьями и взяв с собой собак, куда более породистых, чем, скажем, я.

По окончании сеанса мы вышли из кинотеатра через главный вход вместе со всеми законными зрителями. Ив вдруг начала энергично отплясывать «линди»³¹, подражая неграм, которых мы только что видели в этом фильме. Я взяла ее за руку, и мы исполнили весь танец безупречно синхронно. Тинкер, глядя на нас, просто дара речи лишился – а зря он так удивлялся: каждая американская девушка, проживавшая, как и мы, в пансионе, чтобы сделать субботние вечера не такими печальными, разучивала разнообразные танцевальные па.

Затем мы взяли Тинкера за руки, и он тоже немного потанцевал. Потом Ив бросила нас и, скользнув на край тротуара, подозвала такси. Мы потянулись за ней следом.

– Куда теперь? – спросил Тинкер.

Ни секунды не медля, Ив сказала: «Эссекс и Деланси».

Все ясно, она везла нас в «Чернов».

Хоть водитель прекрасно все слышал, Тинкер все же счел нужным повторить, куда следует ехать.

– Водитель, вы слышали? Эссекс и Деланси.

подобные экзотические названия обыденных продуктов были довольно распространенными. (Прим. ред.)

³⁰ Джон Форд (1894–1973) – американский режиссер, получивший четыре «Оскара» за режиссуру, мастер вестерна.

³¹ Афроамериканский свинговый парный танец, прообраз буги-вуги. Названием обязан Чарльзу Линдбергу, совершившему первый трансатлантический перелет в 1927 г.

Такси тронулось с места, и за окнами замелькали огни Бродвея, похожие на гирлянду лампочек, снятых с рождественской елки.

* * *

«Чернов» раньше был баром, где незаконно торговали спиртным; он принадлежал украинскому еврею, эмигрировавшему незадолго до того, как в снегах России была расстреляна царская семья Романовых. Бар был устроен в полуподвале под кухней кошерного ресторана и пользовался популярностью у русских гангстеров, а также частенько служил местом встречи для русских политических эмигрантов, принадлежавших к противоборствующим партиям. Практически в любой вечер там можно было застать представителей враждующих фракций, принципиально разместившихся по разные стороны маленького танцпола. Например, слева троцкисты с козлиными бородками, планировавшие скорый крах капитализма, а справа монархисты с пышными бачками, все продолжавшие прясть свою пряжу в мечтах об Эрмитаже. Как и все прочие племена в мире, воюющие друг с другом, эти два племени, добравшись до Нью-Йорка, поселились буквально бок о бок. Они проживали в одних и тех же кварталах и посещали одни и те же маленькие кафе, где имели все возможности для бдительной слежки друг за другом. В условиях столь тесной близости время медленно укрепляло их взаимную неприязнь, одновременно растворяя их решимость.

Мы вылезли из такси и далее двинулись пешком по Эссекс, миновали ярко освещенные окна ресторана и свернули в проулок, ведущий к заветной кухонной двери.

– Вы меня снова в какой-то закоулок затащили, – довольно игривым тоном заметил Тинкер.

Мы прошли мимо мусорного бака, и он радостно воскликнул:

– А вот и очередной мусорный бак!

В конце переулочка стояли два бородатых еврея, одетые во все черное, и неспешно рассуждали о достоинствах и недостатках новых времен. На нас они внимания не обратили. Ив открыла кухонную дверь, и мы прошли мимо двух окутанных клубами пара китайцев, которые застыли возле огромных раковин. Китайцы тоже не обратили на нас внимания. Проследовав мимо кастрюль с кипящей кочанной капустой, мы по узкой лесенке в несколько ступенек спустились в полуподвал, откуда дверь вела в большой ледник. Бронзовый засов на тяжелой дубовой двери двигали столько раз, что он приобрел мягкий золотистый блеск – так поблескивает запечатленный в золоте отпечаток ступни святого на церковном полу. Ив тоже решительно отодвинула засов, и мы вошли прямо внутрь этого ледника, ступая по рассыпанным на полу опилкам и осколкам льда. В задней части ледника была дверца, открывавшаяся прямо в клуб, и за ней виднелись поблескивавший медью бар и банкетки, крытые красной кожей.

Нам повезло, так как уходила целая группа гостей, и нас сразу же провели в маленький кабинет на «монархической» стороне танцпола. Официанты у Чернова никогда не спрашивали, что вам угодно, а сразу же расставляли на столе тарелки с варениками, селедкой и языком. В центр они помещали рюмки и бутылку из-под вина, полную водки, которую, несмотря на отмену 21-й Поправки³², по-прежнему разливали в ванной комнате. Тинкер наполнил три рюмки.

– Клянусь, я тут когда-нибудь и своего Иисуса встречу, – сказала Ив и мгновенно опрокинула свою рюмку. Потом, извинившись, встала и отправилась в дамскую комнату.

На сцене одинокий казак пел, умело аккомпанируя себе на балалайке. Это была старая песня о коне, вернувшемся с войны без наездника. Добравшись до родного города своего убитого хозяина, конь сразу узнает и запах цветущих лип и ромашек, качающих головками на обо-

³² 21-я Поправка в 1933 г. отменила 18-ю Поправку, вводившую «сухой закон» на всей территории США.

чине, и знакомый стук молота в кузне. И хотя русские стихи были переведены весьма посредственно, казак исполнял песню с чувством, что мог уловить лишь эмигрант. Даже Тинкер вдруг загрустил, словно вспомнил о доме, а в русской песне говорилось о той стране, которую ему некогда пришлось покинуть.

Когда певец смолк, слушатели дружно и искренне ему захлопали, однако аплодисменты их тоже были спокойными и неторопливыми; примерно так хлопают умелому оратору после тонкой и непретенциозной речи. Казак поклонился и удалился со сцены.

Окинув помещение оценивающим взглядом, Тинкер заметил, что это место наверняка понравилось бы его брату, а потому нам всем нужно будет непременно снова прийти сюда с ним вместе.

– Как ты думаешь, он нам понравится? – спросила я.

– Думаю, да. Особенно тебе. Да нет, я спорить готов, что вы обе с ним отлично поладите.

Тинкер вдруг притих, вертя в руках пустую рюмку. Наверное, о брате задумался, решила я, или на него до сих пор казачья песня так действует.

– У тебя ведь нет сестер и братьев, верно? – спросил он и поставил рюмку на стол.

Этот вопрос застал меня врасплох.

– А что? Я кажусь избалованной?

– Нет! Как раз наоборот. Возможно, мне так показалось, потому что ты, похоже, даже в полном одиночестве прекрасно себя чувствуешь.

– А ты разве нет?

– Когда-то я, по-моему, даже любил одиночество. Но со временем утратил к этому привычку. Теперь, если я оказался дома один и делать мне совершенно нечего, я ловлю себя на том, что начинаю интересоваться, кто из моих приятелей в данный момент находится в городе.

– Ну а я, живя в настоящем курятнике, проблемы имею совершенно противоположные. Мне приходится уходить из дома, чтобы немного побыть в одиночестве.

Тинкер улыбнулся и наполнил мой стаканчик. Какое-то время мы оба молчали.

– А куда ты тогда идешь? – спросил он.

– Когда это «тогда»?

– Когда хочешь побыть одна?

Сбоку от сцены начал собираться небольшой оркестрик – музыканты занимали свои места и настраивали инструменты. Откуда-то из задней двери появилась Ив и направилась к нам.

– А вот и наша Ивлин, – сказала я и встала, чтобы Ив снова смогла усесться на банкетке между нами.

Закуски у Чернова подавали только холодные, водка представляла собой разбавленный медицинский спирт, а сервис был, пожалуй, резковат, но сюда никто и не приходил ради вкусной еды или выпивки, не говоря уж об изысканном сервисе. К Чернову приходили ради ежевечернего шоу.

Около десяти вечера оркестр сыграл некую интродукцию с отчетливым русским оттенком, и прожектор, прострелив лучом густой сигаретный дым, высветил пару средних лет, сидевшую справа от сцены; женщина была одета как деревенская девчонка, а он – как новобранец. В своей песне, исполненной а капелла, новобранец обращался к своей девушке и просил всегда о нем помнить: помнить, как нежны были его поцелуи, как тихи его шаги в ночи, как сладки те осенние яблоки, которые он крал в саду ее бабушки. На щеках у певца было больше румян, чем у любой деревенской красавицы, на пиджаке не хватало пуговицы, да и сам пиджак был на размер меньше, чем нужно.

И тут новобранцу стала отвечать девушка. Нет, говорила она, все это мелочи, я не стану из-за них вспоминать тебя.

Новобранец в отчаянии упал на колени, и девушка, прижимая его голову к своему животу, измяв и перепачкав его румянами свою блузку, пропела: «Не эти мелочи напомнят мне о тебе, а то крохотное сердечко, которое, как ты слышишь, уже сейчас бьется в моем чреве».

Если принимать во внимание только то, как неудачно были подобраны исполнители и как плохо был наложен грим, то над подобным выступлением можно было, наверное, просто посмеяться – если бы люди вокруг нас не плакали навзрыд; даже взрослые мужчины, сидевшие в первом ряду, не скрывали слез.

Когда дуэт закончил свое выступление, оба три раза поклонились под бурные аплодисменты публики и уступили сцену группе молодых танцоров в тесных костюмах и черных соболиных шапках. Их номер был посвящен Коулу Портеру³³ и начинался с *Anything Goes*³⁴, затем последовала и еще парочка обновленных хитов, в том числе *It's Delightful, It's Delicious, It's Delancey*³⁵. Музыка вдруг смолкла, танцоры замерли. Огни погасли. Слушатели затаили дыхание.

Снова вспыхнул прожектор, осветив выстроившихся в ряд танцоров и тот немолодой дуэт в центре сцены; теперь певец был в цилиндре, а его партнерша – в платье с блестками. Певец повелительным жестом взмахнул тростью и с явным русским акцентом крикнул оркестру:

– Давай!

Это было финальное выступление ансамбля; они с блеском исполнили песню *I Gyet a Keek Out of You*³⁶.

Когда я впервые притащила Ив к Чернову, она сразу все здесь возненавидела. Ей не нравилась ни улица Деланси, ни вход с переулка, ни китайцы у раковины, ни посетители – слишком бородатые и слишком увлекающиеся политикой. Ей даже шоу не понравилось. Но, господи, как же быстро все это пустило в ней корни! Ей стал нравиться и этот дешевый блеск, и эти душещипательные истории. Она полюбила искренность «бывших», которые в основном солировали, и зубастость «будущих», пока что составлявших хор. Ей стали нравиться сентиментальные революционеры и контрреволюционеры, бок о бок проливавшие ностальгические слезы. Она даже выучила некоторые песни и порой пела их вместе с основными исполнителями, причем пела не так уж и плохо, особенно когда хорошенько выпьет. По-моему, для Ив такие вечера у Чернова стали чем-то вроде свидания с домом; они будили в ней те же гордые чувства, что и отсылка обратно в Индиану денег, присланных ей отцом.

Так что если Ив намеревалась произвести на Тинкера впечатление, показав ему некий незнакомый Нью-Йорк, то это у нее получилось. Ибо, когда ностальгическая, но как бы лишенная корней, казацкая песня закончилась и сцена была предоставлена исполнителям беззаботных песенок Коула Портера длинноногим красавицам в коротких юбках и красавцам-танцорам с их безосновательными мечтами, Тинкер выглядел счастливым, как ребенок, которого в день открытия зрелища толпа зрителей пронесла через турникет без билета.

Решив, что на сегодня хватит, мы с Ив расплатились. Тинкер, естественно, возражал, но мы настояли.

– Ну, хорошо, – сказал он, пряча бумажник, – но вечером в пятницу плачу я.

– Да ради бога, – сказала Ив. – Что нам лучше надеть?

– Все что хотите.

³³ Коул Портер (Cole Porter) (1891–1964) – американский композитор, прославившийся музыкальными комедиями.

³⁴ «Все идет своим чередом» (англ.).

³⁵ «Это восхитительно, это прелестно, это Деланси» (англ.).

³⁶ I Get A Kick Out Of You – «Я от тебя балдею» – песня Коула Портера, которая стала невероятно популярной после того, как в 1954 г. ее исполнил Фрэнк Синатра.

– Симпатичное, симпатичней или самое симпатичное?

Тинкер улыбнулся.

– Давайте остановимся на самом симпатичном.

Тинкер и Ив остались ждать за столиком, чтобы принесли наши пальто, я, в свою очередь извинившись, решила зайти в туалет. Там было полно разряженных как куклы девиц, пришедших на свидание с гангстерами. Три буквально прилипли к зеркалу над раковиной; на них было столько искусственных мехов и всевозможной косметики, что они были похожи на артисток из здешнего хора, мечтавших показаться в Голливуде; впрочем, возможность этого и у тех, и у других была одинаково мала.

Возвращаясь в зал, я наткнулась на самого Чернова. Старик стоял в конце коридора и наблюдал за собравшимися гостями.

– *Привет, Золушка,* – сказал он по-русски. – *Выглядишь превосходно.*

– *У вас просто освещение плохое.*

– *Зато у меня глаза хорошие.*

Он мотнул головой в сторону нашего стола, где Ив, похоже, убеждала Тинкера выпить вместе с ней еще немного.

– *Кто этот молодой человек? Это твой или твоей подружки?*

– *Пожалуй, он отчасти принадлежит нам обеим.*

Чернов улыбнулся. У него было два золотых зуба.

– *Такое соотношение долго не продержится, худышка моя.*

– Это только ты так считаешь.

– Так считают солнце, луна и звезды.

Глава третья

The Quick Brown Fox³⁷

Над дверью в кабинет мисс Маркхэм висела панель из красного дерева, и на ней то и дело вспыхивали двадцать шесть красных лампочек; под каждой из них была одна из букв алфавита. Буквами и лампочками обозначались девушки из секретариата фирмы «Куиггин энд Хейл». Я, например, числилась под литерой «Q».

Итак, нас было двадцать шесть, мы разместились в пяти рядах по пять человек в каждом, а возглавляла нас старший секретарь Памела Петус (литера «G»); ее стол стоял отдельно, и она высилась впереди нашего войска, точно тамбурмажоретка во время парада. Под руководством мисс Маркхэм мы, двадцать шесть девушек, вели деловую переписку, осуществляли всю подготовительную работу по договорам, а также снимали копии с документов и размножали приказы высшего начальства. Получив запрос сверху, мисс Маркхэм сверялась с графиком работ, определяла наиболее пригодную для выполнения данного поручения девушку и нажимала на соответствующую кнопку.

Аутсайдеру может показаться вполне разумным, когда кто-то из партнеров фирмы, уже имея хорошие отношения с кем-то из сотрудниц секретариата, намеревался именно ее подключить к работе над тем или иным проектом – будь то тройная перепечатка документов договора о покупке или список ошибок и неточностей его жены, пребывающей в процессе развода с ним. Но мисс Маркхэм подобное устройство дел разумным не находила. С ее точки зрения, важнее всего было соотнести каждое конкретное задание с умениями той или иной девушки. Собственно, все девушки в нашем офисе были опытными секретаршами, однако одни превосходили других в искусстве стенографии, другие – в корректорском мастерстве, замечая каждую неправильно поставленную запятую. Одна из наших сотрудниц была способна привести в благодушное настроение любого, даже крайне враждебно настроенного клиента одним лишь звучанием своего голоса; имела у нас и такая, в присутствии которой даже начальство, особенно молодые партнеры фирмы, тут же подтягивались и выпрямляли спину – а все благодаря ее четкой манере доклада и тому достоинству, с которым она вручала оформленные документы старшему из партнеров. Если хотите, чтобы ваше задание было выполнено блестяще, любила повторять мисс Маркхэм, то нельзя требовать, чтобы борец вдруг занялся метанием копья.

Вот, например, Шарлотта Сайкс, новенькая. Она сидела слева от меня. Девятнадцать лет, черные глазищи, полные надежды, и чуткие маленькие ушки. В первый же день Шарлотта совершила тактическую ошибку, печатая по сто слов в минуту. Вообще-то, если вы не способны печатать 75 слов в минуту, вы и работать в «Куиггин и Хейл» не сможете. Но скорость печати Шарлотты на пятнадцать слов в минуту превышала всеобщий средний результат. При скорости сто слов в минуту это означает 48 тысяч слов в день, 240 тысяч слов в неделю и 12 миллионов слов в год. Но, будучи новичком, Шарлотта зарабатывала никак не больше 15 долларов в неделю, то есть получала менее одной десятитысячной цента за каждое напечатанное ею слово. В этом-то и заключался забавный парадокс: если машинистка способна печатать более 75 слов в минуту, то компания «Куиггин и Хейл» за каждое напечатанное слово платит ей меньше. Иначе говоря, чем быстрее печатаешь, тем меньше получаешь.

Но Шарлотта воспринимала это иначе. Подобно искательнице приключений, стремящейся в одиночку перелететь через Гудзон, она надеялась достигнуть той скорости печати, какую позволяют человеческие возможности. И в результате, как только возникала необходи-

³⁷ Часть знаменитого предложения, которое используется для обучения печатанию на машинке и включает все буквы алфавита. (The quick brown fox jumps over the lazy dog – дословно: шустрый бурый лис перепрыгивает через ленивую собаку.) (Прим. авт.)

мость допечатать еще несколько тысяч страниц, можно было держать пари, что на панели над дверью в кабинет мисс Маркхэм со щелчком зажжется лампочка под литерой «F».

Я, собственно, вот что хочу сказать: будьте осторожны, демонстрируя то, чем вы особенно гордитесь, ибо наш мир не преминет использовать это против вас.

Но в среду пятого января в 4.05 пополудни, когда я расшифровывала очередную стенограмму, лампочка на панели вспыхнула возле моей литеры.

Накрыв чехлом пишущую машинку (нас учили делать так всегда, даже во время совсем короткого перерыва), я встала, оправила юбку, взяла ручку и блокнот, пересекла нашу комнату и проследовала в кабинет мисс Маркхэм. Кабинет был обшит деревянными панелями, а его рабочая часть была отделена чем-то вроде стойки с дверцей, как гардероб в вестибюле кабаре. У мисс Маркхэм был маленький, но красивый рабочий столик с тисненым кожаным покрытием – за таким, должно быть, восседал Наполеон, разбирая донесения, полученные с поля боя.

Когда я вошла, она быстро подняла глаза, оторвавшись от работы, и сказала:

– Вам тут звонят, Кэтрин. Партнер из компании «Кемден и Клей».

– Спасибо.

– Но имейте в виду, что вы работаете на «Куиггин и Хейл», а не на «Кемден и Клей». Не позволяйте им сваливать на вас свою работу.

– Хорошо, мисс Маркхэм.

– Да, Кэтрин, и еще одно: насколько я поняла, у вас в последнее время было довольно много срочной работы для торгово-промышленного объединения «Диксон Тикондерога»?³⁸

– Да, мисс Маркхэм. Мистер Барнетт сказал, что важно завершить эту транзакцию до конца года. По причине налогов, как мне кажется. И возникало немало изменений, которые вносились в документы в последнюю минуту.

– Что ж. Я не люблю, когда мои девушки работают допоздна на рождественской неделе. Тем не менее мистер Барнетт высоко оценил и вашу постоянную помощь, и то, что вы успели завершить эту работу. И я полностью к нему присоединяюсь.

– Благодарю вас, мисс Маркхэм.

И она одним взмахом авторучки отпустила меня.

Я отступила в приемную и подошла к маленькому телефонному столику в ее передней части. Этот телефон специально поставили здесь, сделав доступным для всех девушек, на тот случай, если кому-то из партнеров или соучредителей фирмы понадобится что-то переделать или исправить. Юридическая фирма «Кемден и Клей» была одной из самых крупных в городе и зачастую решала наиболее сложные спорные вопросы. И хотя они никак не были непосредственно связаны с тем, чем занималась я, я знала, что они привыкли все держать под контролем.

Я сняла трубку.

– Кэтрин Контент слушает.

– Привет, сестренка!

С того места, где я стояла, мне было видно все наше помещение, где сейчас двадцать пять из двадцати шести машинисток трудились, не поднимая головы, и из уважения ко мне так громко стучали по клавишам, что, по-моему, не смогли бы расслышать даже собственные мысли. И все же я понизила голос:

– Ты, подруга, лучше поторопись. Мне через час нужно иметь готовыми документы для крупного банковского вклада.

– Как дела-то?

³⁸ Знаменитая фирма, выпускающая всевозможные письменные принадлежности и все необходимое для художественного творчества.

- У меня три неправильно заполненные анкеты и потом еще куча работы.
 - Слушай, как называется тот банк, где работает Тинкер?
 - Не знаю. А что?
 - Да просто у нас на завтрашний вечер ничего не запланировано.
 - Он собирается повести нас в какой-то фешенебельный ресторан где-то в верхнем городе. Сказал, что подхватит нас что-нибудь около восьми.
 - Потрясающе! *Где-то, что-то, какой-то!* И откуда ты об этом узнала?
- Я помолчала.
- А действительно, *откуда* я все это узнала?
- На этот вопрос не так-то легко было ответить.

* * *

На углу Бродвея и Эксчейндж-плейс, на той стороне улицы, что напротив церкви Святой Троицы, было маленькое кафе-столовая с газированными напитками, часами на стене и поваром по имени Макс, который даже овсянку, кажется, готовил на большой сковороде с ручкой. Зимой там царил полярный холод, в июле – удушающая жара, и находилось кафе в пяти кварталах от моего обычного маршрута, но это было одно из самых моих любимых мест в городе – потому что там я всегда могла получить место у окна в тесном и угловатом «отдельном кабинете» со столиком на двоих.

Сидя там и тихонько поедая свой сэндвич, можно было наблюдать за паломничеством в эту церковь истинно верующих ньюйоркцев. Прибывшие сюда из всех уголков Европы и одетые во все оттенки серого, они равнодушно поворачивались спиной к статуе Свободы, ибо инстинкт гнал их по Бродвею в нужном направлении; они брели, склоняясь под порывами предостерегающего их ветра и придерживая одинаковые шляпы на одинаково подстриженных головах, и чувствовали себя абсолютно счастливыми в толпе прочих, столь же неотличимых друг от друга людей. Их прошлое содержало более тысячи лет культурного наследия, каждая из их родных стран имела свои собственные воззрения на империю и собственное свидетельство того, каких вершин способно достигнуть самовыражение человеческого гения (Сикстинская часовня или *Gotterdammerung*³⁹), но теперь все они с наслаждением стремились проявить собственную индивидуальность в том, кого из Роджерсов предпочитают смотреть по телевизору субботним утром: Джинджера, Роя или Бака⁴⁰. Америка, возможно, и является страной возможностей, но в Нью-Йорке ставка делается прежде всего на конформизм. Именно способность к конформизму открывает перед вами все двери.

Во всяком случае, примерно так думала я, когда прямо передо мной за окном вдруг возник какой-то мужчина без шляпы и постучал по стеклу.

Сердце у меня так и подскочило: это был Тинкер Грей.

Кончики ушей у него были красными, как у эльфа, а на лице сияла такая улыбка, словно он поймал меня на месте преступления. Он сразу же начал что-то с энтузиазмом говорить, но из-за стекла ничего не было слышно, и я помахала ему, приглашая зайти внутрь.

- Значит, это оно и есть? – спросил он, протискиваясь в мой «кабинет».
- Что – оно?
- То самое место, куда ты идешь, когда хочешь побыть одна!
- О нет, – рассмеялась я. – Не совсем.

³⁹ «Сумерки богов» (нем.).

⁴⁰ Джинджер Роджерс – звезда мюзиклов, Рой Роджерс – звезда вестернов, Бак Роджерс – звезда музыкальных комедий. (Прим. авт.)

Он прищелкнул пальцами в притворном разочаровании и объявил, что умирает с голоду. Затем огляделся с неким, не имеющим ни малейших оснований, восторгом, взял в руки меню и целые четыре секунды его изучал. Он пребывал в том непоколебимо прекрасном расположении духа, как если бы нашел на земле столларовую банкноту и еще только собирался рассказать об этом первому встречному.

Когда появилась официантка, я заказала БСТ⁴¹, но Тинкер, решив устремиться в глубь неразведанной территории, потребовал «авторский» сэндвич имени самого Макса, обозначенный в меню как «нечто несравненное» и почти легендарное. Когда Тинкер спросил, пробовала ли я когда-нибудь такой сэндвич, я сказала, что мне его описание всегда казалось избыточным определениями, но недостаточно предметным.

– Значит, ты работаешь где-то неподалеку? – спросил он, когда официантка отошла от нашего стола.

– Нет, но пройти нужно совсем немного.

...

– По-моему, Ив говорила, что это какая-то юридическая контора?

– Верно. Это старинная фирма с Уолл-стрит.

...

– Тебе там нравится?

– Скучновато, что, по-моему, вполне предсказуемо, исходя из специфики фирмы.

Тинкер улыбнулся.

– Твоя речь тоже избыточна определениями и недостаточно предметна (*см. выше, Тинкер «зеркалит» Кэтрин*).

– Эмили Пост⁴² считает, что рассказывать о себе не слишком-то вежливо.

– Я уверен, что мисс Пост совершенно права, но большинство американцев ее предостережение почему-то не останавливает.

Фортуна покровительствует смелым – фирменный сэндвич имени Макса представлял собой поджаренный на решетке сыр, в который был завернут ломтик говяжьей солонины и салат из нашинкованной капусты. Тинкер управился с ним за десять минут, и место сэндвича тут же занял ломтик чизкейка.

– Какое прекрасное место! – уже, наверное, в пятый раз восхитился Тинкер.

– Ну, теперь расскажи ты, как это – быть банкиром? На что это похоже? – спросила я, глядя, как он уписывает свой десерт.

Он признался, что считает себя пока еще начинающим, так что про его работу вряд ли можно спросить: «Как быть банкиром?» На самом деле он занимается, скорее, брокерской деятельностью. Его банк обслуживает группу состоятельных семейств, имеющих крупные доли дохода в частных компаниях, контролирующих все – от сталелитейных предприятий до серебряных рудников, – и когда этим семьям требуются наличные или же они хотят от чего-то избавиться, именно он оформляет все сделки или подыскивает для них подходящих покупателей, стараясь действовать максимально осторожно.

– Я бы с удовольствием купила у тебя любой подходящий серебряный рудник, – сказала я, вытаскивая сигарету.

– Хорошо, в следующий раз ты будешь первой, кому я позвоню.

Тинкер потянулся через стол, чтобы дать мне прикурить, а потом положил зажигалку на стол рядом со своей тарелкой. Выдыхая дым, я указала на нее сигаретой.

⁴¹ Сэндвич с беконом, салатом и томатом.

⁴² Эмили Пост (1872–1960) – американская писательница, светская львица; писала об этикете, ее основная книга так и называется «Этикет».

– Ну а что за история связана с этой зажигалкой?

– А... – он, похоже, немного смутился. – Ты гравировку имеешь в виду?

Он взял зажигалку и некоторое время ее изучал. Потом сказал:

– Я купил ее, когда впервые получил по-настоящему приличную зарплату. Понимаешь, я как бы сам себе подарок сделал. Такая солидная золотая зажигалка, да еще и с моими инициалами!

Он с печальной улыбкой покачал головой.

– Когда мой брат ее увидел, он чуть со свету меня не сжил. Ему страшно не понравилось, что она золотая и что на ней монограмма. Но больше всего он всегда злился из-за моей работы. Когда мы с ним встречались в Гринвич-Виллидж, чтобы выпить пива, он сразу принимался ругать банкиров, Уолл-стрит и меня заодно; особенно он пинал меня за мое желание путешествовать по всему свету, а я его уверял, что непременно сделаю это. В конце концов как-то вечером он схватил мою зажигалку, выбежал на улицу и заставил какого-то лоточника дополнить мои инициалы неким постскриптумом.

– Это чтоб ты помнил каждый день, когда тебе довелось дать девушке прикурить?

– Да, что-то вроде того.

– А мне твоя работа вовсе не кажется такой ужасной.

– Нет, – согласился он, – она вовсе *не плохая*. Просто...

Тинкер довольно долго смотрел в окно на Бродвей, собираясь с мыслями.

– Помнится, у Марка Твена есть история об одном старике, который водил баржу – что-то вроде парома, на котором люди переправлялись с одного берега реки на другой.

– Это из «Жизни на Миссисипи»?

– Не знаю. Возможно. Так вот Марк Твен подсчитал, что за тридцать с лишним лет этот человек, работая перевозчиком и без конца пересекая реку, проделал путь в двадцать раз длиннее самой Миссисипи, но при этом ни разу не выехал за пределы своего округа.

Тинкер улыбнулся и покачал головой.

– И порой я себя чувствую этим стариком. Словно одна половина моих клиентов собирается в путешествие на Аляску, а вторая – в Эверглейдс⁴³, и лишь один я продолжаю возить людей с одного берега на другой.

– Налить еще? – спросила официантка, подходя к нам с кофейником в руках.

Тинкер вопросительно посмотрел на меня.

У нас, девушек из «Куиггин и Хейл», на ланч было отведено сорок пять минут, но я предпочитала возвращаться к своей пишущей машинке на несколько минут раньше. Если я уйду прямо сейчас, то еще вполне успею до конца перерыва. Можно поблагодарить Тинкера за ланч, рысцой добежать до нашего здания и запрыгнуть в лифт, идущий на шестнадцатый этаж. Интересно, каким может быть приемлемое опоздание для девушки, которая всегда оказывалась на рабочем месте вовремя? Пять минут? Десять? Пятнадцать – если у нее, скажем, сломается каблук?

– Конечно, – сказала я официантке, и та наполнила наши чашки, после чего мы оба с явным облегчением откинулись на спинки стульев, стукнувшись при этом коленями – в «отдельном кабинете» было все-таки тесновато. Тинкер налил себе в кофе сливок и принялся их размешивать. Он все мешал, мешал, мешал, и все это время мы оба молчали. Потом я сказала:

– Это церкви.

Он несколько растерянно посмотрел на меня.

– Что – это?

– Церкви. Именно туда я хожу, когда хочу побыть одна.

⁴³ Флоридский национальный парк, субтропическая болотистая низина.

Он снова выпрямился.

– Ты посещаешь церкви?

Я указала в окно на церковь Троицы. Более полувека ее шпиль был самой высокой точкой на Манхэттене, а для моряков служил чем-то вроде гостеприимного маяка. А теперь, чтобы как следует рассмотреть эту церковь, приходилось устраиваться в кафе на противоположной стороне улицы.

– Вот это да! – Тинкер был явно удивлен.

– Странно, почему это тебя так удивляет.

– Не то чтобы удивляет... Просто мне казалось, что ты человек не слишком религиозный.

– Нет, не слишком. Так я и в церковь хожу не тогда, когда там идет служба, а когда там почти никого нет.

– Именно в церковь Троицы?

– И в любую другую тоже. Но вообще-то я предпочитаю старые и большие, вроде Святого Патрика или Святого Михаила.

– По-моему, я один раз был в церкви Святого Варфоломея – на венчании. А больше, пожалуй, нигде. Мимо церкви Троицы я, должно быть, тысячу раз проходил, а внутрь ни разу даже не заглядывал.

– Вот это и впрямь удивительно. Между прочим, в два часа дня в этих церквях нет ни души. Они стоят совершенно пустые – сплошной резной камень, красное дерево и витражи. То есть они, конечно, в какие-то моменты жизни отнюдь не пустовали. Там наверняка было полно тех, кто пережил все эти беды. У исповедален, наверно, целые очереди выстраивались. А во время венчаний в боковых нефах и в приделе девочки рассыпали лепестки цветов...

– От крещения до отпевания...

– Вот именно. Но со временем большая часть истинно верующих как бы отсеялась. Те, что недавно прибыли в страну, стали строить свои храмы, и большие старые церкви оказались чуть ли не заброшенными – как часто оказываются заброшенными старики, – и теперь им остается только вспоминать о поре своего расцвета, оставшейся в прошлом. Пребывание в обществе этих «стариков» я нахожу невероятно умиротворяющим.

Тинкер некоторое время молчал, глядя на шпиль церкви Троицы, вокруг которого, как в старые времена, кружила пара чаек.

– Здорово. И эта церковь действительно великолепна, – сказал он.

Я чокнулась с ним кофейной чашкой и призналась:

– А ведь я рассказала тебе нечто такое, что мало кому обо мне известно.

И он, глядя мне прямо в глаза, попросил:

– Расскажи мне еще что-нибудь, чего *никто* о тебе не знает.

Я рассмеялась.

Но он был серьезен.

– Чего никто обо мне не знает? – переспросила я.

– Да. Хотя бы что-нибудь. Обещаю, что никогда не расскажу об этом ни одной живой душе.

Он даже перекрестился в подтверждение своих слов.

– Ну, хорошо, – сказала я, ставя чашку на стол. – Я идеально чувствую время.

– То есть?

– То есть я могу сосчитать до шестидесяти ровно за шестьдесят секунд. Плюс-минус одна.

– Не верю!

Я большим пальцем ткнула себе за спину, где на стене висели часы.

– Ты только дай мне знать, когда секундная стрелка достигнет двенадцати.

Он посмотрел на часы и принялся следить за стрелкой. На губах его возникла азартная улыбка.

– Готова? – спросил он, по-прежнему улыбаясь. – Тогда на старт... внимание...

* * *

Невероятно! – сказала Ив, позвонив мне уже после моей встречи с Тинкером. *Где-то, что-то, какой-то! И откуда ты об этом узнала?*

Оформляя банковские вклады, узнаешь по крайней мере одну важную вещь: большинство людей с уважением воспринимают прямые вопросы, заданные вовремя и по делу. Это то самое, к чему они совершенно не готовы. Иногда они выражают желание сотрудничать с вами (а скорее, хотят немного потянуть время), снова повторяя тот вопрос, который им только что задали: *Как мне все это удалось?* – вежливо переспрашивают они. Иногда, впрочем, они считают подобные вопросы наглостью, а потому отвечают (или переспрашивают) с оттенком презрения: *Что именно мне удалось?* Но в любом случае опытный юрист сразу понимает, где именно тормозит его клиент, а где открывается поистине плодородная почва для дальнейшего расследования. Так что наилучший ответ на хороший вопрос – это тот, что сделан просто и без каких-либо колебаний или смысловых отклонений.

– Он мельком упомянул об этом, когда ты у Чернова в туалет ходила, – сказала я.

Завершая разговор, мы, как всегда, обменялись шутливыми замечаниями, и я вернулась на свое рабочее место. Убрала чехол с машинки, отыскала нужное место в тексте и снова застучала по клавиатуре. И во втором предложении третьего параграфа сделала свою первую за этот день опечатку. Печатая список чьих-то основных предпочтений, я вместо «*chief*» напечатала «*thief*»⁴⁴. И, лишь увидев напечатанное, убедила себя, что эти слова совсем непохожи, а эти две буквы даже на клавиатуре находятся не то чтобы рядом.

⁴⁴ Chief – глава, руководитель, шеф; thief – вор.

Глава четвертая

Бог из машины

Вечером в пятницу, когда мы одевались, Ив не пожелала даже о погоде со мной болтать. Дело в том, что совесть моя все же одержала надо мной победу, и я – как бы случайно, как бы между прочим – во время разговора обмолвилась, что во время обеденного перерыва наткнулась в деловой части города на Тинкера и мы с ним выпили по чашке кофе.

– По чашке кофе, – с фальшивым равнодушием повторила Ив. – Как мило.

И после этого замкнулась как устрица.

Я предприняла некий решительный пасс и похвалила ее летнее желтое платье, абсолютно неуместное зимой, но именно поэтому выглядевшее на ней как-то особенно свежо и остро.

– Тебе действительно нравится? – спросила она.

– На тебе оно смотрится просто потрясающе.

– Надо бы и тебе его как-нибудь примерить, может, сходишь в нем кофе попить.

Я уже открыла было рот, хоть и не знала толком, что сказать ей в ответ, но тут к нам вломилась одна из соседок.

– Извините, дамы, что врываюсь без стука, но ваш принц Очарование уже прибыл. Вместе со своей колесницей.

Уже у двери Ив вдруг остановилась, чтобы еще раз посмотретья в зеркало.

– Погоди еще минутку, – сказала она, вернулась обратно и решительно стащила с себя желтое платье, словно мой комплимент мгновенно превратил его в нечто старомодное. Я заметила, что за окном стал накрапывать холодный дождь, словно оправдывавший дурное настроение Ив. Спускаясь следом за ней по лестнице, я мрачно думала: *Ну вот, мы обе и вляпались.*

* * *

Перед нашим пансионом стояло роскошное серебристое, цвета ртути, купе «Мерседес», а рядом с ним – Тинкер. Даже если бы все девушки, проживавшие у миссис Мартингейл, сложили то, что зарабатывают за год, им и тогда не удалось бы наскрести денег на такую машину.

Фран Пачелли, пяти футов девяти дюймов ростом, недоучка из Сити-колледжа⁴⁵ родом из Северного Джерси, жившая чуть дальше по коридору, весьма выразительно присвистнула – таким свистом строители обычно оценивают длину юбки. Мы с Ив спустились по лестнице.

Настроение у него явно было отличное. Ив он поцеловал в щеку и сказал: «Выглядишь просто потрясающе!» – потом повернулся ко мне и с улыбкой пожал мне руку. Меня он ни поцелует, ни комплиментом не одарит, но Ив следила за нами так внимательно, что становилось ясно: она чувствует, что оказалась в проигрыше.

Тинкер открыл дверцу автомобиля и, словно извиняясь, сказал:

– Боюсь, сзади сидеть будет немного неудобно. Тесновато.

– Ничего, я там помещусь, – сказала я.

– Как это мило с твоей стороны! – ехидно заметила Ив, и Тинкер, начиная подозревать, что между нами что-то происходит, посмотрел на нее с легкой озабоченностью.

Открыв переднюю пассажирскую дверцу, он придержал ее одной рукой, а второй жестом истинного джентльмена пригласил Ив садиться. Но она, словно не замечая этого, продолжала

⁴⁵ City College – Городской колледж Нью-Йорка, основной и старейший (1847) колледж Городского университета, расположенный вдоль Конвент-авеню на Манхэттене.

внимательно изучать машину, словно оглаживая ее взглядом от капота до багажника. Но не так, как Фран, а куда более профессионально.

– Я поведу, – вдруг заявила она и протянула руку за ключами.

К такому повороту событий Тинкер готов не был.

– А ты водить-то умеешь? – спросил он.

– *А ты водить-то умеешь?* – передразнила она его с нарочито сильным южным акцентом. – *А как же! Да я папашин трактор запросто гоняла, едва мне девять годков стукнуло!*

Она вытянула ключи у него из ладони, обошла вокруг капота и плюхнулась на водительское сиденье. Тинкер с несколько неуверенным видом устроился рядом. Ив поерзала, вставила ключ в замок зажигания и спросила:

– Ну, куда едем, приятель?

– Пятьдесят вторая улица, пожалуйста.

Ив завела двигатель, резко дала задний ход, на бешеной скорости развернулась и, взвизгнув тормозами, остановилась.

– Ив! – не выдержал Тинкер.

Она искоса глянула на него, сладко улыбнулась, явно ему сочувствуя, затем снова переключила передачу и с ревом понеслась по Семнадцатой улице.

Через несколько секунд стало ясно, что на нее снизошел Святой Дух. Правда, когда она, не сбавляя скорости, свернула на Шестую авеню, Тинкер чуть не выхватил у нее руль, но затем притих. Ив вела машину уверенно, плавно, незаметно прибавляя или убавляя скорость, и, ловко обходя другие машины, зигзагами неслась вперед, несмотря на плотный трафик, точно акула сквозь толщу вод, с точностью до секунды определяя, когда переключится огонек светофора. Мы с Тинкером сидели с вытаращенными глазами, вжавшись в сиденья, и молчали – примерно так, должно быть, ведут себя те, кто оказался в руках некой высшей силы и смирился с этим.

Только когда мы свернули на Пятьдесят вторую улицу, я поняла, что он везет нас в клуб «21».

В некотором роде это Ив загнала его в угол своими вопросами – *симпатичное, симпатичней, самое симпатичное?* – как еще он мог ответить?

Но точно так же, как Ив тогда хотела произвести на Тинкера впечатление, показав ему квазирусский полусвет, где сами мы бывали не так уж и часто, у Тинкера, наверное, возникло желание продемонстрировать нам другой Нью-Йорк, *его собственный*. И, судя по всему, затея ему вполне удалась вне зависимости от настроения Ив. Перед рестораном на холостом ходу застыли ряды лимузинов; дымки спиралью поднимались из их выхлопных труб, подобно вылетающим на волю джиннам. Парковщик в цилиндре и легком пальто поспешил открыть дверцы нашего «Мерседеса», а швейцар уже предусмотрительно распахнул двери, и мы увидели в холле плотную толпу одетых по последней моде манхэттенцев.

На первый взгляд клуб «21» не выглядел каким-то особенно элегантным. Темные стены были украшены картинками в рамках, и казалось, что эти картинки попросту выдраны из какого-нибудь иллюстрированного еженедельника. Скатерти на столах были потертые, а столовые приборы громоздкие, как в дешевой закусочной или в университетской столовой. Однако публика, безусловно, отличалась элегантностью. Мужчины были в костюмах, явно сшитых на заказ, и в нагрудных кармашках у них сверкали чистотой изящные платочки. Шелковые платья дам поражали чистотой и благородством оттенков; их шеи украшали «скромные» нитки жемчуга.

Когда девушка-гардеробица уже готова была принять нашу верхнюю одежду, Ив как-то незаметно повернулась спиной к Тинкеру и легким движением сбросила с плеч пальто. Впро-

чем, он сразу раскусил ее хитроумный маневр и успел подхватить пальто, взмахнув им, точно матадор своим плащом.

Ив была самой молодой из присутствующих дам – я имею в виду тех, что не разносили подносы, а сидели за столиками, – и явно намеревалась извлечь из этого максимум пользы для себя. Платье, которое она надела в последнюю минуту, было из красного шелка с глубоким вырезом на груди и выглядело одновременно и по-девичьи наивным, и весьма сексуальным; она, видимо, успела надеть и самый лучший свой бюстгальтер, отлично поддерживавший грудь – во всяком случае, верхушки ее груди, соблазнительно выглядывавшие из выреза платья, можно было бы разглядеть с пятидесяти футов даже в тумане. Впрочем, Ив проявила должную осторожность и постаралась не переборщить с украшениями. В красной лакированной шкатулочке у нее хранились сережки с бриллиантами, подаренные ей на окончание колледжа. Эти бриллиантовые «гвоздики» очень ей шли, вспыхивая в ушах прелестными искорками и как бы подчеркивая симпатичные ямочки у нее на щеках, всегда появлявшиеся, когда она улыбалась. Однако она хорошо знала, что не стоит надевать эти серьги в такое место, как этот клуб, – ведь здесь она практически ничего не смогла бы выиграть с формальной точки зрения, зато легко могла проиграть по сравнению с другими.

Метрдотель, австриец, имевший все основания выглядеть издерганным, однако не подававший вида, тепло приветствовал Тинкера, назвав его по имени.

– Мистер Грей, мы вас ждали. Пожалуйста сюда.

В его устах слово «пожалуйста» заменяло собой, казалось, целую фразу.

Он подвел нас к столу в центральной части помещения – единственному, который остался здесь незанятым. Стол был накрыт на троих. Метрдотель, казалось, умеет читать чужие мысли: выдвинув из-под стола средний стул, он жестом предложил Ив садиться.

– Пожалуйста, – снова сказал он.

Едва мы уселись, как он слегка взмахнул рукой, и в ней, точно огромные игральные карты в руках фокусника, материализовались три меню, которые он нам церемонно вручил.

– Выбирайте с удовольствием.

Такого огромного меню я никогда в жизни не видела. В длину оно было, наверное, фута полтора. Я открыла его, ожидая увидеть длиннющий список разнообразных яств, но там было перечислено всего десять блюд. Хвост лобстера. Ростбиф «Веллингтон». Говяжий прайм-риб... Названия блюд были написаны от руки и совершенно роскошным почерком, как приглашение на свадьбу. Цены указаны не были, во всяком случае в моем меню. Я даже украдкой заглянула в меню, которое держала Ив, но сама она в мое меню заглядывать не стала, а продолжала с холодным выражением лица изучать названия, потом положила меню на стол и предложила:

– Давайте лучше для начала выпьем martini.

– Гениально! – откликнулся Тинкер и поднял руку.

Моментально на том же самом месте, где только что стоял метрдотель, появился официант в белом пиджаке и заговорил с обаятельной развязностью кидалы из загородного клуба:

– Добрый вечер, мистер Грей. Добрый вечер, дамы. Надеюсь, вы простите мне столь наглое заявление, но ваш столик поистине является украшением этого зала. Да и выглядите вы лучше всех. Но вы, наверное, еще не готовы сделать заказ? Погода, право, просто ужасная! Могу я предложить вам какой-нибудь аперитив?

– Вы правы, Каспер, мы действительно только что говорили, как хорошо было бы выпить сейчас martini.

– Ну, еще бы! Позвольте мне убрать меню, чтобы они вам не мешали.

И Каспер, сунув меню под мышку, удалился, а через пару минут принес наши напитки.

Точнее, принес он три высоких пустых стакана, и в каждом было по три оливки, надетых на соломинку, торчавшую над краем стакана точно весло гребной шлюпки. Затем он взял в

руки серебряный шейкер, накрытый салфеткой, хорошенько его потряс и принялся осторожно разливать содержимое. Сперва он до краев наполнил мой стакан. Напиток был таким холодным и прозрачным, что казалось, будто он прозрачнее обыкновенной воды. Затем он наполнил стакан Ив. Когда он перешел к Тинкеру, струя, льющаяся из шейкера, заметно ослабела, а потом и вовсе стала еле сочиться. Мне даже на мгновение показалось, что Тинкеру мартини не хватит, однако жидкость все продолжала потихоньку капать, и ее уровень в стакане неуклонно повышался, пока не сровнялся с краями. Это был тот уровень точного расчета, который всегда придает человеку уверенности в себе.

– Хорошие друзья, – неожиданно обронил Каспер, – всегда вызывают зависть богов.

Никто из нас и заметить не успел, как серебряный шейкер исчез, а его место заняло блюдо с устрицами на подставке.

– Комплимент от заведения, – сказал Каспер и снова исчез.

Ив слегка постучала вилкой по своему стакану с водой; вид у нее был такой, словно она собирается обратиться с неким тостом ко всем присутствующим.

– Я хочу вам кое в чем признаться, – сказала она.

Тинкер и я, чувствуя, чем это пахнет, так и усталились на нее.

– У меня сегодня был приступ ревности.

– Ив... – начала было я, но она, подняв руку, велела мне молчать.

– Позволь мне договорить, Кейти. Когда я узнала, что вы вдвоем, без меня, выпили «по чашке кофе» – предполагаю, что со сливками и с сахаром, – я просто позеленела от зависти. И вовсе я не была «чутьточку не в духе», я твердо намеревалась испортить вам сегодняшний вечер, чтобы проучить вас обоих. Но Каспер абсолютно прав: дружба *Наилучшее* – как мы говорим с Кэти.

Она подняла стакан с мартини и подмигнула.

– За то, чтобы выбраться из привычной колеи!

И через несколько минут это была уже прежняя Ив: спокойная, даже чутьточку расслабленная, жизнерадостная, светлая – необъяснимая.

Пары за столиками вокруг нас вели привычные, из года в год повторяющиеся разговоры – о работе, о детях, о необходимости привести в порядок летний домик; возможно, эти разговоры они вели почти машинально, наизусть зная, что будет сказано дальше, однако именно они, эти разговоры, давали надежное ощущение того, что им есть с кем разделить свои ожидания и свой жизненный опыт. Тинкер, с высокомерным видом оглядевшись, затеял совсем иной разговор, куда больше подходивший к сложившейся в нашей компании ситуации – которая, впрочем, была полностью основана на гипотетических предположениях.

Чего вы боялись, когда были детьми? – спросил он.

Я сказала: кошек.

Тинкер сказал: высоты.

Ив сказала: старости.

И постепенно мы увлеклись. В какой-то степени это даже превратилось в этакое веселое соревнование, когда каждый пытается дать некий идеальный ответ – одновременно и удивительный, и забавный, и приоткрывающий твое нутро, но, безусловно, правдивый. Особенно отличилась, конечно, Ив, которую, впрочем, никогда нельзя было оценить до конца. Она лишь раз доказала, что победа всегда достается ей легко.

Чего вам всегда хотелось, но родители этого не позволяли?

Я: тратить деньги.

Тинкер: дом на дереве.

Ив: получить хорошую взбучку.

Если бы вы на один день могли стать кем-то иным, то кем бы вы стали?

Я: Матой Хари.

Тинкер: Натти Бампо⁴⁶.

Ив: Дэррилом Зануком⁴⁷.

Если бы смогли заново прожить один год своей жизни, какой именно это был бы год?

Я: Когда мне исполнилось восемь лет и мы жили над булочной.

Тинкер: Когда мне было тринадцать и мы с братом путешествовали по Адирондакским горам.

Ив: Тот, который сейчас наступает.

Устрицы были съедены, пустые раковины убраны. Каспер приготовил нам еще мартини, разлил по бокалам и снова наполнил шейкер – про запас.

– За что мы выпьем на этот раз? – спросила я.

– За то, чтобы не быть такими стеснительными, – сказал Тинкер.

Ив и я эхом повторили тост и поднесли бокалы к губам.

– Значит, вы пьете за то, чтобы не быть такими стеснительными? – раздался вдруг рядом чей-то голос.

Возле меня, положив руку на спинку моего стула, стояла высокая элегантная женщина лет пятидесяти с небольшим.

– Какое чудесное желание, – сказала она. – Но лучше бы кое-кто не стеснялся для начала вовремя отвечать на телефонные звонки.

– Извини, – сказал Тинкер, слегка смущенный. – Я как раз сегодня собирался тебе позвонить.

Она победоносно улыбнулась и слегка взмахнула рукой, как бы отпуская ему все прегрешения.

– Да ладно, Тедди, не оправдывайся. Я же тебя просто поддразниваю. Мне и так ясно, что повод отвлечься у тебя был серьезный.

Она протянула мне руку.

– Меня зовут Анна Гранден. Я – крестная Тинкера.

Тинкер встал, решив, видно, представить нас обеих по всем правилам:

– Это Кэтрин Контент, а это...

Но Ив не дала ему договорить. Она встала и с легким поклоном сказала:

– Я – Ивлин Росс. И я очень рада с вами познакомиться.

Миссис Гранден аккуратно обошла стол, пожала Ивлин руку и буквально силой усадила ее на место, а сама продолжила разговор с Тинкером. Держалась она так, что ее возраст почти не ощущался; у нее были короткие светлые волосы, тонкие черты лица и стройная легкая фигура балерины, которая, когда подросла, оказалась слишком высокой для профессионального балета. На ней было черное платье без рукавов, подчеркивавшее изящество ее рук и плеч. Нитки жемчуга, правда, на ней не было, зато были серьги – изумрудные «гвоздики» размером с таблетку фруктовой жвачки. Камни были просто великолепны и идеально совпадали с цветом ее глаз. Судя по тому, как она держалась, легко можно было предположить, что она и в море в этих серьгах купается. А выйдя на берег, беспечно вытирает волосы полотенцем, даже не задумываясь о том, где сейчас ее изумруды – у нее в ушах или на дне морском.

⁴⁶ Натаниэль Бампо – персонаж пяти приключенческих романов Ф. Купера, известных как «Петналогия о Кожаном Чулке»; ребенок белых родителей, выросший среди индейцев, охотник и зверолов.

⁴⁷ Дэррил Занук (1902–1979) – американский музыкальный продюсер, сценарист, режиссер, актер.

Когда она наконец добралась до Тинкера, то сразу подставила ему свою щеку для поцелуя. Он неловко ее чмокнул и снова уселся, а она, материнским жестом положив руку ему на плечо, сказала:

– Ивлин и Кэтрин, помяните мои слова: все племянники и крестники ведут себя одинаково. В первое время, когда они еще только приехали в Нью-Йорк, ты видишь их очень часто. Прямо как в поговорке: «Либо полная корзина, либо пустая кладовая»⁴⁸. Ведь стоит этим юнцам, как говорится, встать на ноги, и приходится прямо-таки Пинкертона нанимать, если тебе вздумается залучить их к себе на чай.

Мы с Ив засмеялись. Тинкер заставил себя с покорным видом улыбнуться. Рядом со своей великолепной крестной он был похож на шестнадцатилетнего подростка.

– Какое чудесное совпадение, что мы с вами здесь встретились, – сказала Ивлин.

– Ну, это же совсем маленький мирок, – с легкой гримаской откликнулась миссис Гранден.

У меня не было ни малейших сомнений, что именно она когда-то и привела сюда Тинкера.

– Ты не хочешь к нам присоединиться? – спросил у нее Тинкер. – Сядь, выпей с нами.

– Спасибо, дорогой, но я не могу. Я здесь с Гертрудой. Она все пытается вытащить меня в музей. Так что в ближайшее время мне понадобятся все мои мозги.

Она повернулась к нам.

– Если я предоставляю Тедди решать этот вопрос, то наверняка никогда больше ни одной из вас не увижу, а потому примите мое приглашение на ланч в любой из ближайших дней – вместе с Тинкером или без него. Обещаю, что не стану надоедать вам бесконечными воспоминаниями о его детстве и юности.

– Нам это ни в коем случае не надоело бы, миссис Гранден, – заверила ее Ив.

– Пожалуйста, – сказала миссис Гранден, и в ее устах слово «пожалуйста» тоже превратилось в целую фразу, как и слово «пожалуйста» в устах метрдотеля, – называйте меня просто Анна.

Когда миссис Гранден, изящно махнув ручкой, вернулась к своему столику, Ив выглядела до крайности возбужденной, она даже раскраснелась. Но если Ив показалось, что визит миссис Гранден зажег на ее тортике свечки, то на тортике Тинкера эти свечки явно погасли. Ее неожиданное появление переменяло весь настрой сегодняшнего вечера. В мгновение ока сменилась и подпись под этой чудесной картинкой. Если сначала это было: *состоятельный мужчина сопровождает двух своих молодых знакомых в некое модное местечко*, то теперь это больше походило на карикатуру: *молодой павлин красуется своим оперением на фамильных задворках*.

Ив так завелась и разругалась, что, похоже, не чувствовала, что вечер полностью испорчен.

– Какая чудесная женщина! Она подруга твоей матери? – приставала она к Тинкеру.

– Как это? – не понял он. – А, да, они вместе росли.

И, зачем-то взяв в руки вилку, принялся ее вертеть.

– Может, нам уже следует заказать что-нибудь еще? – осмелилась предложить Ив. А я спросила у Тинкера напрямик:

– По-моему, тебе хочется поскорее отсюда уйти?

– А мы можем уйти?

– Безусловно.

⁴⁸ Примерно соответствует русской поговорке «Либо сена клок, либо вилы в бок».

Ив была явно разочарована и, глянув на меня с раздражением, уже собралась было предложить еще выпить для аппетита, но тут заметила, как повеселел Тинкер, предвкушая возможность отсюда убраться, и сказала, бросив на тарелку свою салфетку:

– Ну и правильно. Давайте вообще на этот ужин забыть.

Встав из-за стола, мы все еще пребывали под чудесным воздействием второй порции мартини. В дверях Тинкер остановился, поблагодарил метрдотеля по-немецки и извинился за то, что мы были вынуждены столь поспешно удалиться. Ив, всячески стараясь загладить свое раздражение, взяла у гардеробщицы мою длинную молодежную куртку, предоставив мне возможность покрасоваться в ее пальто с меховым воротником – подарок родителей на двадцать первый день рождения.

Моросящий дождь к этому времени перестал, небо расчистилось, воздух был свежий, бодрящий, и мы после краткого совещания решили снова отправиться в «Чернов» и посмотреть их второе шоу.

– Но если мы останемся до конца шоу, то можем не успеть до начала комендантского часа, – заметила я, забираясь на заднее сиденье.

– Слушай, – сказала Ив, поворачиваясь к Тинкеру, – а если мы и впрямь опоздаем, нельзя ли будет как-то перекантоваться до утра у тебя?

– Разумеется, можно!

Хотя этот вечер и начался для нас с Ив не слишком удачно, но наша дружба под конец все же взяла свое. Устроившись на переднем сиденье, Ив повернулась ко мне и ласково накрыла рукой мое колено. Машину вел Тинкер. Пошарив по радиостанциям, он настроил приемник на какой-то свинг, и мы, дружно притихнув, просто слушали музыку. Тинкер свернул на Парк-авеню и покатил к центру города.

Проезжая по Пятдесят первой улице, мы миновали церковь Святого Варфоломея с высоченным куполом, построенную семейством Вандербильт. Они поставили ее в таком месте, где им по воскресеньям было весьма удобно видеть вокзал Гранд-Сентрал за спиной пастора, читавшего проповедь. Как и у многих других американских «аристократов», представителей нашего «позолоченного» века, корни Вандербильтов всего три поколения назад вели к некоему наемному слуге, приплывшему в Нью-Йорк из голландского города Де Бильт четвертым классом, то есть попросту на палубе. Сойдя с корабля, он еще долго был известен как Ян из Де Бильта – и так продолжалось, пока его отпрыск Корнелиус не сумел сколотить состояние и стать основателем знаменитой династии.

Впрочем, совсем необязательно владеть железной дорогой, чтобы укоротить или удлинить собственное имя.

Тедди с легкостью превращается в Тинкера.

Ивлин – в Ив.

Катя – в Кейт.

В Нью-Йорке подобные перемены происходят сплошь и рядом и совершенно свободно.

Когда наш автомобиль пересек Сорок девятую улицу, все мы вдруг почувствовали, что его вроде бы начинает слегка заносить. Дорога впереди выглядела какой-то странно блестящей – видимо, оставшиеся после дождя лужи успели подмерзнуть и превратились в лед. Тинкер сбросил скорость и стал более внимательно смотреть вперед. Перед поворотом на Третью авеню он и вовсе притормозил, полагая, видимо, что там дорожное покрытие будет все-таки более чистым. И как раз в это мгновение в нас врезался молочный фургон. Мы его даже увидеть не успели. Он гнал по Парк-авеню со скоростью пятьдесят миль в час, спеша поскорее доставить заказанные товары. Заметив, что мы притормозили, он тоже попытался замедлить ход, но не сумел, угодил колесами на лед и всей своей массой ударил нас в зад. Наше купе

со скоростью ракеты перелетело через Сорок седьмую улицу и врезалось в литой чугунный фонарный столб на разделительной полосе.

Когда я пришла в себя, то оказалось, что я лежу вверх ногами, зажатая между рычагом переключения скоростей и приборной доской. Было холодно. Дверца со стороны водителя была распахнута настежь; извернувшись, я сумела разглядеть Тинкера, лежавшего у края тротуара. Пассажирская передняя дверца была закрыта, но Ив исчезла.

Извернувшись, я выползла из машины. Было больно дышать, похоже, у меня было сломано ребро. Тинкер уже поднялся на ноги и, пошатываясь, подбирался к Ив, которую в результате удара выбросило через ветровое стекло. Она безжизненной кучей тряпья лежала на земле.

Откуда ни возьмись появилась «Скорая помощь»; из нее выскочили два молодых человека в белых халатах с носилками; все это было похоже на хронику событий Гражданской войны в Испании.

– Она жива, – сказал один из медиков своему коллеге, и они уложили Ив на носилки.

Ее лицо было так изрезано и окровавлено, что более всего походило на кусок сырого мяса.

Я ничего не смогла с собой поделать и отвернулась.

Тинкер тоже ничего не мог с собой поделать. Он смотрел на Ив как замороженный, да так и не отвел от нее глаз, пока перед ним не захлопнулись двери операционной.

8 ЯНВАРЯ

Когда он вышел из больницы, у тротуара уже выстроилась целая вереница такси, словно это был какой-то отель. Странно, рассеянно подумал он, оказывается, уже совсем темно. Хорошо бы узнать, который теперь час.

Водитель такси, стоявшего в очереди первым, кивнул ему. Но он только головой покачал.

Какая-то женщина в меховом пальто, выбежав из больницы, буквально запрыгнула на заднее сиденье того такси, которое он не взял, захлопнула дверцу и, чуть наклонившись к водителю, громко протрещала нужный адрес. Такси моментально умчалось, и его место тут же заняла следующая машина. Остальные таксисты тоже немного продвинулись вперед. Интересно, с удивлением подумал он, куда та женщина так спешила? Подобная торопливость показалась ему неуместной. Правда, потом он решил, что если у кого-то есть веские причины торопиться в больницу, то у других могут быть не менее веские причины торопиться из больницы домой или куда-то еще.

Сколько раз он сам так же запрыгивал на заднее сиденье такси и поспешно выпаливал нужный адрес? Сотни? Тысячи?

– Закурить хотите?

Какой-то мужчина вышел из больницы и остановился в паре шагов от него, чуть правее. Это был один из хирургов – ведущий специалист, осуществлявший наиболее сложные восстановительные операции. На вид ему можно было дать максимум лет сорок пять, и, судя по всему, характером он обладал уравновешенным и дружелюбным. Он, видимо, вышел покурить в образовавшийся между операциями перерыв, так как на его рубашке не было ни пятнышка. Сигарета дымилась у него в руке.

– Спасибо.

Он с благодарностью вытянул сигарету из предложенной хирургом пачки. Один знакомый как-то сказал ему, что если он когда-нибудь бросит курить, то будет помнить свою последнюю сигарету лучше, чем все прочие события своей жизни. И это оказалось действительно так. Последнюю сигарету он выкурил на платформе вокзала в Провиденсе за несколько минут до отправления поезда, следовавшего в Нью-Йорк. Это было почти четыре года назад.

Он сунул сигарету в рот и принялся шарить в карманах, ища зажигалку, но хирург опередил его, поднеся свою.

– Спасибо, – снова сказал он, наклоняясь над язычком пламени, и вдруг вспомнил, что одна из сестер хирургического отделения успела рассказать ему, что этот хирург успел побывать на войне – совсем юным интерном работал в госпитале во Франции, и в какой-то момент этот госпиталь оказался чуть ли не на линии фронта. Этот опыт сразу в нем чувствовался. Особенно в его спокойной и уверенной манере держаться. Он выглядел как человек, который завоевал эту уверенность, постоянно рискуя жизнью и делая свое дело, несмотря на близость вражеских войск; как человек, который больше никому ничего не должен.

А хирург задумчиво посмотрел на него и спросил:

– Вы когда в последний раз дома были?

А действительно, когда я в последний раз был дома? – спросил он себя.

Хирург, впрочем, его ответа ждать не стал и пояснил:

– Она, возможно, еще несколько дней пробудет без сознания. А вот когда она очнется, тут-то вы ей и будете каждую минуту нужны. И вам надо быть к этому готовым, а потому поезжайте сейчас домой и постарайтесь хоть немного поспать, а потом как следует поешьте, да и выпить немного не помешает. И не волнуйтесь вы так. Ваша жена в прекрасных руках.

– Спасибо, – сказал он.

К больнице подъехало очередное такси и пристроилось в конец очереди.

На Мэдисон, подумал он, будет такая же очередь из такси, мающихся от безделья у отеля «Карлайл». И на Пятой авеню тоже – перед «Стэнхоуп». В каком еще городе мира столько свободных такси? Они торчат на каждом углу, перед каждым входом в отель. Только и ждут, чтобы ты, даже не переодевшись, не успев еще раз подумать, не сказав никому ни слова, сел в машину, которая моментально доставит тебя хоть в Гарлем, хоть на мыс Горн.

– ...Только она мне не жена, – наконец выговорил он.

Хирург даже сигарету изо рта вынул.

– О, простите. Просто наша медсестра уверяла меня, что...

– Мы просто друзья.

– Ну да. Конечно.

– Мы были вместе в машине, когда произошла эта авария.

– Ясно.

– И за рулем был я.

Хирург промолчал.

Еще одно такси уехало прочь, и очередь снова немного продвинулась.

– О, простите... Ну да... Конечно... Ясно...

Весна

Глава пятая Совершить и не совершить⁴⁹

Был вечер в самом конце марта.

Моя новая квартира представляла собой студию в шестиэтажке без лифта⁵⁰ на Одиннадцатой улице между Первой и Второй авеню. Из окон был виден узкий двор с натянутыми от подоконника до подоконника веревками для сушки белья. В любое время года серые, плохо постиранные простыни реяли на высоте пяти этажей над промерзшей землей точно неряшливые призраки, вызванные кем-то, начисто лишенным воображения.

В окнах противоположной, через двор, квартиры я часто видела какого-то старика, который расхаживал в нижнем белье, держа в руках сковороду с длинной ручкой. Это был, должно быть, уборщик или ночной сторож, потому что по утрам полностью одетым всегда жарил мясо, а по вечерам и в исподнем – яичницу.

Плеснув себе джина, я устремила свой взор и все свое ни с кем не разделенное внимание на потрепанную колоду карт.

Однажды, подчинившись непонятному капризу, я потратила пятнадцать центов на учебник игры в бридж, и эти затраты вскоре полностью окупились. По субботам я могла играть от сигнала «Подъем!» до сигнала «Отбой!». Я раздвигала стол в маленькой кухне и, пересаживаясь со стула на стул, играла по очереди за себя и трех моих воображаемых партнеров. Север⁵¹ у меня представлял британец-аристократ, чьи безрассудные ставки были мне, неопытной и осторожной, только на руку. Ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем как можно выше задрать ставку, предложенную мной, и заставить меня играть двойную игру с младшей мастью.

Словно в ответ на его выходки игроки, представлявшие Восток и Запад, начинали постепенно заявлять о себе: слева от меня сидел старый раввин, отлично помнивший каждую карту, а справа – чикагский гангстер на пенсии, который мало что помнил, зато отлично умел пустить пыль в глаза и порой выстраивал «шлем», завершая тем самым игру исключительно благодаря собственной силе воли.

– Двойка червей? – Я опасливо приоткрыла карты, старательно подсчитывая в уме свои очки.

– Двойка пик, – сказал раввин, словно желая меня предостеречь.

– Шестерка червей! – выкрикнул англичанин, еще не закончив разбирать сданные ему карты.

– Пас.

– Пас.

Когда зазвонил телефон, все удивленно подняли глаза, и я сказала:

⁴⁹ Глава называется «To Have & To Haven't», но маленькое изменение, внесенное мной в название романа Э. Хемингуэя («Иметь и не иметь»), придает этому выражению несколько иной оттенок, поскольку сокращенная форма «haven't» предполагает нечто такое, чего вы не совершали, в противоположность полной форме «have not» (как у Хемингуэя), обозначающей то, чего вы не имеете. (Прим. авт.)

⁵⁰ Согласно старому закону в Нью-Йорке все дома выше шести этажей должны были быть оснащены лифтом. Как результат, в наиболее дешевых жилых районах стандартные дома строились как раз шестиэтажными. (Прим. авт.)

⁵¹ Игроки в бридж традиционно называются по сторонам света; пара Север – Юг играет против пары Запад – Восток.

– Я сейчас, только трубку сниму.

Телефонный аппарат возвышался на стопке романов Льва Толстого.

Вообще-то я думала, что это звонит тот молодой бухгалтер, с которым я как-то познакомилась у Фанелли и который тщетно пытался заставить меня рассмеяться. Не знаю уж, что на меня тогда нашло, но я зачем-то позволила ему записать мой номер телефона – Грэмерси 1-0923; это был мой первый в жизни собственный номер. Однако, сняв трубку, я услышала голос Тинкера Грея.

– Привет, Кейти.

– Привет, Тинкер.

Ни с Тинкером, ни с Ив я не общалась уже почти два месяца.

– Ты чем-то занята? – осторожно спросил он.

При сложившихся обстоятельствах вопрос был довольно-таки трусливый.

– Еще две партии до выигрыша. А что ты хотел?

Он не ответил. И довольно долго молчал, прежде чем спросить:

– Как ты думаешь... в общем, ты не смогла бы сегодня вечером приехать?

– Тинкер...

– Кейти, я не знаю, что между вами происходит – между тобой и Ив, – но для меня последние две недели превратились в сущий кошмар. И врачи говорят, что будет еще хуже, и только потом, возможно, начнется улучшение; я не очень-то им поверил, но пока что все именно так и происходит. А мне сегодня вечером обязательно нужно уйти, я должен быть в офисе, а ее, боюсь, ни в коем случае нельзя оставлять одну...

Я видела, что за окном идет мерзкий снег с дождем; на висящих простынях сразу образовались серые нашлепки. Вообще-то хозяевам белья следовало бы смотать веревку и втянуть свое барахло в дом, где у него все-таки будет какой-то шанс досохнуть.

– Да, конечно, я поняла, – сказала я. – Я могу приехать.

– Вот спасибо, Кейти!

– Тебе вовсе не обязательно так уж меня благодарить.

– Ладно, не буду.

Я посмотрела на часы. В такое время бродвейское метро ходит с большими перерывами.

– Приеду через сорок минут.

– Почему бы тебе не взять такси? Я оставлю деньги у швейцара.

Я бросила трубку.

– Удваиваю ставку, – выдохнул раввин.

Пас.

Пас.

Пас.

* * *

Все первые дни после аварии, пока Ив была без сознания, Тинкер бодрствовал у ее постели. Кое-кто из наших соседак по пансиону тоже по очереди дежурил в больнице, но они в основном сидели в приемной, читая журналы, а Тинкер от Ив практически не отходил. Он только попросил знакомого швейцара из своего дома приносить ему чистую одежду, а душ принимал в помещении для персонала.

На третий день из Индианы примчался отец Ив. Подойдя к ее постели, он почему-то страшно растерялся. Было видно, что он убит случившимся, но ни заплакать, ни помолиться не может. Ему наверняка стало бы легче, если б он сумел это сделать. Но он только смотрел на изуродованное лицо своей девочки и без конца сокрушенно качал головой.

Ив очнулась на пятый день. А на восьмой уже более или менее пришла в себя – но теперь это была некая суровая, прямо-таки стальная версия прежней Ив. Она слушала врачей, холодно и пристально на них глядя, и ни разу не отвела глаз. Она спокойно воспринимала все те медицинские термины, которые так и сыпались у них изо рта: *перелом, разрыв, шов, лигатура*. Она даже подбадривала их, когда они пытались избежать таких слов, как *хромота* и *уродство*. Когда Ив стала готовиться к выписке, отец заявил, что немедленно забирает ее домой, в Индиану. Однако ехать она категорически отказалась. Мистер Росс сперва пытался взывать к голосу ее разума, затем стал умолять, уверяя, что дома она сумеет гораздо быстрее восстановить силы; особенно он напирал на то, что в таком состоянии она попросту не сможет карабкаться по лестнице в пансионе. И потом, говорил он, ее очень ждет мать. Но Ив была непоколебима. Ни мольбы, ни уговоры отца ее не трогали.

И тогда Тинкер осторожно предложил мистеру Россу перевезти Ив к нему в «Бересфорд». Если уж она твердо намерена до полного выздоровления оставаться в Нью-Йорке, то у него ей будет во всех отношениях гораздо удобнее: там есть лифт, кухонная доставка, просторная свободная спальня, а также всегда к ее услугам любезный швейцар. Предложение Тинкера Ив приняла, но даже не улыбнулась. А мистер Росс попросту промолчал. Если он и находил подобное решение проблемы неприемлемым, то вслух решил своих соображений не высказывать. Он, кажется, уже начал понимать, что больше не имеет права голоса, когда речь идет о жизни и делах его дочери.

За день до того, как Ив выписали из больницы, мистер Росс вернулся домой, к жене. Увы, без дочери. Но, поцеловав Ив на прощание, он дал мне понять, что хотел бы со мной поговорить. Я проводила его до лифта, и в коридоре он сунул мне в руки толстый конверт, сказав, что это кое-что для меня, и попросил до конца года заплатить за Ив в пансионе. По толщине конверта я сразу догадалась, что там уйма денег, и попыталась вернуть ему конверт, объяснив это тем, что в пансионе меня уже «уплотнили», подселив ко мне другую девушку. Но мистер Росс настаивал, и в итоге конверт остался у меня в руках, а он исчез за сомкнувшимися дверцами лифта. Судя по светящейся полоске, лифт уже успел спуститься в вестибюль, когда я открыла конверт. Там было пятьдесят десятидолларовых банкнот. Возможно, те же самые, которые Ив вернула ему два года назад, словно вынося вердикт: эти конкретные десятки никогда не должны быть истрачены ни ею, ни им самим.

Я восприняла все эти события как некий знак того, что и мне пора уматывать из пансиона миссис Мартингейл – особенно после того, как она дважды строго предупредила меня, что, если я не уберу из подвала свои коробки, она вышвырнет меня вон. Так что я, воспользовавшись половиной той суммы, которую оставил мне мистер Росс, оплатила на полгода вперед довольно просторную студию в пятьсот квадратных футов. А остальные деньги спрятала на дне сундучка, некогда принадлежавшего моему дяде Роско.

Ив собиралась переехать к Тинкеру прямо из больницы, так что мне еще нужно было собрать и перевезти туда ее вещи. Я постаралась все сложить и упаковать как можно лучше, свернув рубашки и свитеры Ив аккуратными квадратиками, как это сделала бы она сама. Затем уже под руководством Тинкера в ее новой комнате – его собственной бывшей спальне – распаковала привезенные сумки и чемоданы и обнаружила, что все шкафы и комоды совершенно пусты. Оказывается, Тинкер успел перетащить все свои вещи и одежду в комнату для прислуги, находившуюся в противоположном конце коридора.

Всю первую неделю пребывания Ив в «Бересфорде» я каждый вечер приходила туда и ужинала вместе с ними. Мы усаживались в маленькой столовой рядом с кухней и съедали ужин из трех блюд, приготовленный в кухмистерской в цокольном этаже здания и поданный наверх служащим в униформе. Обычно это был суп из морепродуктов, затем филей с брюссельской капустой, а в довершение кофе и шоколадный мусс.

Высидев за обедом, Ив обычно чувствовала себя совершенно обессиленной, так что я сразу отводила ее в спальню и помогала лечь в постель.

Она садилась на краешек кровати, и я, не спеша, раздевала ее. Снимала со здоровой правой ноги туфельку и чулок. Затем, расстегнув молнию на платье, осторожно стаскивала его через голову, стараясь ни в коем случае не задеть маленькие черные швы, пересекавшие половину ее лица. Ив смотрела прямо перед собой, и на лице у нее было выражение полной покорности и смирения. Лишь через три вечера я догадалась, *куда* она так напряженно смотрит: это было большое зеркало, повешенное перед кроватью из неких тщеславных соображений. В данном случае то, что его не убрали, выглядело как глупая оплошность, я извинилась и сказала, что попрошу Тинкера немедленно зеркало убрать. Но Ив и слышать об этом не хотела. Убрать зеркало она так и не позволила.

Уложив Ив и заботливо подоткнув одеяло, я целовала ее на прощание, гасила свет, тихонько закрывала дверь и возвращалась в гостиную, где меня с нетерпением ожидал Тинкер. Нет, мы не выпивали. Мы даже не особенно долго сидели вдвоем. Те несколько минут, что оставались до моего ухода домой, мы шепотом обсуждали состояние Ив – так, как это делали бы, наверно, ее родители. *Стало ли ей лучше? Сегодня она, похоже, ела с большим аппетитом, чем обычно... И щеки у нее, пожалуй, уже не такие бледные... И нога, похоже, чуть меньше болит...* Самоутешение, конечно; но эти успокоительные фразы падали на душу с умиротворяющим стуком, точно капли дождя на спасительную крышу навеса.

Но на седьмой вечер после выписки из больницы, когда я собралась уходить, как всегда уложив Ив, подоткнув одеяло и поцеловав ее, она вдруг меня остановила.

– Кейти, – сказала она, – ты знаешь, как я тебя люблю и буду любить до судного дня.

Я присела рядом с ней на кровать.

– Это взаимное чувство.

– Я знаю, – кивнула она.

Я ласково стиснула ее пальцы, и она ответила тем же. А потом сказала:

– Знаешь, будет лучше, если ты на некоторое время перестанешь к нам приходить.

– Хорошо.

– Ты ведь все понимаешь, не так ли?

– Да, конечно, – сказала я.

Потому что я действительно все понимала. Ну, по крайней мере, если и не все, то достаточно многое.

Речь шла уже не о том, кто первым сказал: «Чур, мой!», или кто с кем рядом сел в кино. Правила игры изменились; точнее, игра перестала быть игрой. Теперь самое главное было пережить эту ночь, а пережить одну такую ночь зачастую бывает гораздо трудней, чем кажется, хотя каждый, конечно, переживает ее по-своему.

* * *

Когда мое такси остановилось на Сентрал-Парк-Вест, снег с дождем успел смениться секущим ледяным дождем. Пит, ночной швейцар, уже встречал меня, стоя у края тротуара с большим зонтом. Он заплатил таксисту два доллара за однодолларовую поездку и, укрывая меня зонтом, довел до подъезда, хотя там и было-то всего шагов пять. Дежурил Гамильтон, самый молодой из лифтеров. Из Ланты⁵², штат Джорджия, он привез с собой в Нью-Йорк вкус плантаторских правил вежливости, что в будущем могло либо помочь ему сильно продвинуться, либо привести к беде.

– Вы путешествовали, мисс Кэтрин? – спросил он, как только мы поехали вверх.

⁵² Атланта.

– Только до продуктового магазина, Гамильтон.

Желая, видимо, показать, что он-то знает, как было на самом деле, Гамильтон понимающе усмехнулся, и это вышло у него так мило, что мне не захотелось развеивать его иллюзии.

– Передайте мои наилучшие пожелания мисс Ивлин и масса Тинка, – сказал он, когда лифт стал притормаживать и остановился прямо перед частным вестибюлем.

Это был поистине идеальный пример возрожденной греческой элегантности – паркетный пол, белые карнизы и плинтусы, на стенах натюрморты предшественников импрессионизма. Тинкер ждал меня прямо там, чуть в стороне от выхода из лифта; он неподвижно сидел в кресле, сложив на коленях руки и низко опустив голову, и выглядел так, словно вернулся в приемный покой неотложной хирургии. Впрочем, когда я вышла из кабины лифта, он заметно оживился; казалось, он искренне опасался, что я вообще не приеду.

Он бросился ко мне, стиснул обе моих руки. Я заметила, что черты его лица за это время как-то смягчились, пожалуй, он даже немного поправился, как бы взяв себе те десять фунтов, которые Ив потеряла, лежа в больнице.

– Кейти! Спасибо, что приехала. Как я рад тебя видеть!

И при этом он старался говорить как можно тише, и я, разумеется, тут же насторожилась.

– Тинкер, а Ив знает, что я приду?

– Да, да, конечно, – почти прошептал он. – Она ждет тебя с нетерпением. Я просто хотел все заранее тебе объяснить. Понимаешь, ей в последнее время нелегко пришлось. Довольно сложный был период. Особенно по ночам. Так что я стараюсь оставаться дома как можно чаще и как можно дольше. Насколько могу, конечно. Просто ей... в компании всегда лучше.

Я сняла пальто и положила его на соседнее кресло. Вообще-то душевное состояние Тинкера явно оставляло желать лучшего, раз он даже не помог мне раздеться. Даже не предложил этого.

– Я не уверен, сильно ли мне придется сегодня задержаться. Ты как, сможешь подождать до одиннадцати?

– Конечно.

– А до двенадцати?

– Я могу пробыть здесь столько, сколько тебе будет нужно, Тинкер.

Он снова благодарно стиснул мои руки, потом выпустил их и сказал:

– Так входи поскорей. Ив! Кейти пришла!

И мы сразу прошли в гостиную.

Если вестибюль в квартире Тинкера и был оформлен в классическом стиле, то это до некоторой степени было обманкой, фокусом, потому что только там сохранилась мебель той эпохи, что предшествовала гибели «Титаника». А вот гостиная – огромная квадратная комната с французскими окнами, выходящими на обширный балкон, откуда открывался вид на Центральный парк, – выглядела так, словно ее целиком доставили на самолете прямо из Барселоны, с Всемирной выставки 1929 года. В гостиной стояли три белых дивана и два черных кресла в стиле Людвиг ван дер Роэ⁵³, которые изящно группировались вокруг столика для коктейлей; на стеклянной столешнице красовалась стопка романов, а рядом стояли бронзовая пепельница и миниатюрный аэроплан в стиле ар-деко. Нигде не было и намека на атлас или бархат, не говоря уж об узоре «пейсли»; не было никаких грубых материалов, как не было и старомодно закругленных углов. Сплошные пересекающиеся прямоугольники, которые усиливали общее ощущение абстрактности.

⁵³ Людвиг Мис ван дер Роэ (1886–1969) – немецкий архитектор-модернист, в частности, проектировал американские «стеклянные» небоскребы.

Машина для жизни – кажется, так называют это французы⁵⁴. И посреди всего этого современного великолепия на одном из диванов возлежала Ив в новом белом платье, заложив одну руку за голову, а вторую вытянув вдоль тела. Своей позой она словно говорила: «Я-здесь-была-всегда». За спиной у нее красиво рассыпались в темноте огни города, на ковре стоял стакан martini, и все это в целом было похоже на рекламу чрезвычайно удачных последствий автомобильной аварии.

Лишь подойдя ближе, можно было разглядеть, сколь велик был нанесенный ущерб. Вдоль всей левой стороны лица Ив от виска до подбородка тянулись два сходящихся шрама. Да и в остальном симметрия черт была нарушена, особенно ее портил опущенный, как после инсульта, уголок рта. Изуродованной, практически перекрученной, левой ноги под платьем почти не было видно, но из-под подола все же выглядывала пересаженная кожа, выглядевшая как бочок ошипанной курицы.

– Привет, Иви.

– Привет, Кейт.

Я наклонилась, чтобы ее поцеловать, и она тут же подставила мне правую щеку. Ее рефлексы явно уже успели адаптироваться к новому состоянию. Я села на диван напротив и спросила:

– Как ты себя чувствуешь?

– Уже лучше. А ты как поживаешь?

– Пожалуй, тоже уже лучше.

– Рада за тебя. Выпить хочешь? Тинкер, милый, ты не мог бы...

Тинкер так и не сел, войдя в гостиную, а остановился за свободным диваном, опершись о его спинку обеими руками.

– Конечно, – моментально встрепенулся он. – Ты что предпочитаешь, Кейти? Мы, например, пили martini. Но я с удовольствием сделаю тебе свежий.

– Мне вполне хватит того, что осталось в шейкере.

– Ты уверена?

– Ну да.

Тинкер взял чистый стакан и, обойдя вокруг дивана, потянулся за аэропланом в стиле ар-деко, стоявшим на столике. Благодаря некоему хитроумному приспособлению фюзеляж отделился от крыльев – все-таки это устройство явно балансировало на грани моды и идиотизма, – и Тинкер, отлепив от самолетика нос, налил мне martini. Но аэроплан-шейкер обратно поставил не сразу, а спросил:

– Ив, приготовить тебе еще?

– Нет, мне пока достаточно. Но, может быть, ты все-таки останешься и тоже выпьешь с нами стаканчик? Вот и Кейти наконец-то к нам пришла.

Я заметила, что ее слова явно причинили Тинкеру боль, и быстро сказала:

– Я, собственно, и одна могу выпить.

Тинкер поставил шейкер на место и с облегчением пообещал:

– Я постараюсь вернуться не слишком поздно.

– Ну и отлично, – сказала Ив.

Он быстро поцеловал ее в щеку и двинулся к двери. Ив отвернулась, любуясь в окно сияющим огнями городом. Когда за Тинкером захлопнулась входная дверь, она так и не обернулась.

⁵⁴ Термин Ле Корбюзье в применении к жилому дому. (Прим. авт.)

Я глотнула мартини и почувствовала, что он сильно разбавлен растаявшим льдом. Вкус джина вообще почти не чувствовался. Вряд ли подобный напиток был способен поднять мне настроение.

– Ты, между прочим, очень хорошо выглядишь. – Наконец-то я хоть что-то сумела выдать из себя.

Ив с бесконечным терпением посмотрела на меня. Потом сказала:

– Кейти, ты же отлично знаешь, что я терпеть не могу подобной светской чуши. Особенно, когда она исходит из твоих уст.

– Я просто хотела сказать, что выглядишь ты значительно лучше, чем в тот последний раз, когда я тебя видела.

– А это заслуга ребят из подвала, где здесь кухня. Они каждый день присылают нам на завтрак поджаренный бекон, а на ланч – суп. И к кофе непременно пирожные, а к коктейлям канапе.

– Можно только позавидовать.

– Еще бы. Блудный Сын и все такое. Хотя очень скоро начинаешь чувствовать себя тельцом, откармливаемым на убой.

С некоторым трудом Ив села прямо и двумя пальцами подцепила с поверхности стола маленькую, почти невидимую, белую таблетку.

– Вот так скоро и я своего Иисуса отыщу, – сказала она и запила таблетку джином, который уже успел согреться.

– Хочешь еще мартини?

– Если ты тоже будешь.

Ив, опершись о стол, рывком поднялась с дивана.

– Давай лучше я сама все достану, – поспешила предложить я.

Она криво усмехнулась.

– Ничего. Мой доктор утверждает, что двигаться мне полезно.

Сняв самолет-шейкер с подставки, Ив направилась к бару. Левую ногу она подволакивала примерно так, как ребенок волочет за собой по тротуару тяжелый школьный портфель.

Кубики льда Ив аккуратно брала щипцами и по одному бросала в «фюзеляж». Затем щедрой рукой плеснула туда джин, зато вермут отмеряла буквально по капельке. Над баром висело зеркало, и она, сбивая коктейль, с неким мрачным удовлетворением изучала собственное отражение.

Говорят, вампиры в зеркале не отражаются. Но, возможно, в результате несчастного случая Ив превратилась в некоего иного духа, обладающего противоположными особенностями: она стала как бы невидимой для себя самой, но свое отражение в зеркале видеть могла.

Ив накрыла шейкер крышкой, еще раз лениво его потрянула и, сильно хромая, двинулась к дивану. Сперва она наполнила свой стакан, а уж потом подтолкнула шейкер через стол ко мне.

– Вы нормально с Тинкером уживаетесь? – спросила я, налив себе мартини.

– Я же сказала, Кейти, что не расположена вести с тобой светскую беседу.

– А что, мы ведем светскую беседу?

– Да, вполне светскую и совершенно бессмысленную.

Я неопределенным жестом обвела гостиную и заметила:

– Мне кажется, что он, по крайней мере, неплохо о тебе заботится.

– Ну да, раз уж ты это сломал, ты это и покупай. Разве не так?

Она сделала большой глоток и посмотрела на меня почти в упор.

– Вряд ли ты сразу домой пойдешь, верно? Но учти: во-первых, я отлично себя чувствую, а во-вторых, минут через пятнадцать буду уже крепко спать.

И словно в доказательство Ив покачала своим стаканом.

– Дома мне все равно делать нечего, – сказала я, – так что уж лучше я пока тут поторчу. Хотя бы для того, чтобы помочь тебе до спальни добраться.

Ив в ответ как-то неопределенно махнула рукой, словно желая сказать: *Оставайся, если хочешь, или уходи, мне все равно*. Она снова жадно глотнула martini и прилегла на диван. Я тупо смотрела в свой стакан. И вдруг она предложила:

– Может, ты мне что-нибудь считаешь? Тинкер, например, поступил бы именно так.

– А ты хочешь?

– Сперва его чтение вслух просто с ума меня сводило. На обычный разговор у него, похоже, мужества не хватало. Но потом я привыкла.

– Ну, хорошо. А что тебе считать?

– Все равно.

На столике для коктейлей высилась аккуратная стопка из восьми книг – большие внизу, поменьше наверху. Все в вызывающе ярких суперобложках, они были похожи на тщательно завернутые в пеструю бумагу рождественские подарки.

Я взяла ту, что сверху. Ни один уголок не был загнут, чтобы пометить нужную страницу, так что я начала почти сначала.

«Да, конечно, завтра просто отлично, – сказала миссис Рэмси. – Только встать тебе придется вместе с жаворонками».

Но ее сына эти слова невероятно обрадовали; казалось, все решено, экспедиция состоится, и до чудес, о которых он столько лет мечтал, оказалось рукой подать – всего лишь одна темная ночь и один день плавания⁵⁵.

– Ох, остановись, – сказала Ив. – Это просто ужасно. Что это такое?

– Вирджиния Вулф.

– Уф! Тинкер приволок домой столько романов, написанных женщинами, словно именно их-то мне и не хватало, чтобы на ноги встать. А мою кровать он ими прямо-таки обложил. Казалось, он меня замуровать хочет. А что, ничего *другого* там нет?

Я осмотрела корешки книг и вытащила один томик из середины.

– Хемингуэя хочешь?

– Ну, слава богу. Только не сначала, пролистай чуть дальше, хорошо, Кейти?

– И далеко пролистать?

– Да сколько хочешь. Только сначала не начинай.

Я наугад открыла страницу 104.

«Четвертый, тот рослый широколицый кубинец, который говорил с ним в баре, показался в дверях банка с томпсоновским автоматом в руках, и, когда он начал пятиться от двери, в банке протяжно и надрывно завывла сирена, и Гарри увидел, как дуло автомата задергалось, скок-скок, и услышал боп-боп-боп, дробное и глухое среди воя сирены»⁵⁶.

– Ну вот, это уже на что-то похоже, – сказала Ив, поправила подушку у себя под головой, улеглась поудобней и закрыла глаза.

Я прочитала вслух страниц двадцать пять. Уже на десятой странице Ив уснула, и я, наверное, могла бы остановиться, но я с удовольствием продолжала читать. Мне даже показалось, что, если начинать, скажем, все с той же 104-й страницы, проза Хемингуэя становится от этого еще более энергичной. Без первых глав *все* основные события воспринимались как некие наброски, а *все* диалоги превращались в иносказания, исполненные косвенных намеков. Третьестепенные персонажи оказывались на одной доске с главными героями и определенно

⁵⁵ Из романа В. Вулф (1882–1941) «На маяк» (To the Lighthouse).

⁵⁶ Э. Хемингуэй «Иметь и не иметь» (пер. Е. Калашниковой).

превосходили их своим бескорыстным здравомыслием. Протагонисты даже не пытались на это ответить. Они, похоже, испытывали облегчение, освободившись от тирании навязанного им сюжета. Естественно, мне тут же захотелось перечитать подобным способом все книги Хемингуэя.

Я допила мартини и аккуратно, стараясь не звякнуть доньшком, поставила пустой стакан на стеклянную столешницу.

На спинке дивана, где спала Ив, лежала белая шаль, и я прикрыла ее этой шалью, слушая ее ровное дыхание. Нет, думала я, ей больше не нужно искать своего Иисуса; он пришел сам и стал о ней заботиться.

Над баром висели четыре картины Стюарта Дэвиса⁵⁷ с изображенными на них заправочными станциями. Это, собственно, были единственные предметы искусства в комнате, однако основные цвета на них приятно контрастировали с черно-белой мебелью. Напротив бутылок со спиртным висела еще декоративная серебряная тарелка с маленьким окошечком и циферблатом; циферблат можно было повернуть, и в окошечке начинали перелистываться карточки цвета слоновой кости – примерно так на вокзале переворачиваются таблички на доске с расписанием поездов. На каждой карточке был рецепт какого-нибудь коктейля: *мартини*, *Манхэттен*, *Метрополитен* – щелк, щелк, щелк. *Бамбук*, *Беннетт*, *Будуар* – щелк, щелк, щелк. За стоявшей на переднем плане бутылкой джина я обнаружила четыре таких сорта виски, каких никогда не смогла бы себе позволить. Я налила себе самого старого из них и поплелась по коридору в глубь квартиры.

Первая комната справа была той самой маленькой столовой, где мы обычно ели. К ней примыкала кухня, отлично оборудованная, но крайне редко используемая. На плите стояли медные кастрюли без малейших следов копоти, на полках – керамические банки с надписями МУКА, САХАР, КОФЕ и ЧАЙ, все полные до краев.

За кухней находилась комната для прислуги. Судя по всему, Тинкер теперь обитал именно здесь. На стуле висела его майка-безрукавка, в ванной на полочке стояла в стакане его бритва. Над небольшим книжным шкафом висела довольно-таки примитивная, на мой взгляд, картина в духе соцреализма. На ней был изображен грузовой док и грузчики, явно собравшиеся на митинг протеста. У края толпы виднелись две припаркованные полицейские машины. На дальнем краю причала голубым неоновым светом горела вывеска: ОТКРЫТО ВСЮ НОЧЬ. Картина была, безусловно, не лишена достоинств, но в контексте данной квартиры можно было легко догадаться, почему ее сослали в комнату для прислуги. Книжный шкаф наполняли другие жертвы той же ссылки – детективные романы с лихо закрученными сюжетами.

Я повернула назад, снова прошла через кухню, затем через гостиную, где мирно спала Ив, и двинулась в противоположный конец коридора. Первая комната налево оказалась кабинетом. Стены, обшитые деревянными панелями, настоящий камин. Кабинет был размером с половину моей квартиры.

На письменном столе я обнаружила еще один весьма причудливый предмет в стиле ар-деко – сигаретницу в виде гоночного автомобиля. Надо сказать, что все эти дорогие серебряные безделушки – шейкер, каталог коктейлей, гоночный автомобиль – отлично вписывались в интернациональный стиль квартиры. Их отличала тонкая, почти ювелирная работа, и все они были, несомненно, предназначены для мужчины. Однако ни одна из этих вещей не принадлежала к разряду тех изделий, какие Тинкер выбрал бы для себя сам. Их появление в этом доме предполагало вмешательство чьей-то еще неведомой руки.

Между двумя книжными стеллажами была стойка с небольшой коллекцией справочной литературы: словарь синонимов, латинская грамматика, безнадежно устаревший атлас. Там же

⁵⁷ Стюарт Дэвис (1892–1964) – американский художник, выразитель идей кубизма и поп-арта.

я обнаружила и тоненькую книжку без названия на корешке. Оказалось, что это «Вашингтония». Надпись на первой странице свидетельствовала о том, что книга была подарена Тинкеру матерью на его четырнадцатилетие. В нее были включены все знаменитые речи Джорджа Вашингтона, расположенные в хронологическом порядке, и кое-какие его письма, но открывалась книга списком тех устремлений, которые были свойственны Отцу Нации, когда он был подростком. Список был озаглавлен следующим образом:

Правила вежливости и достойного поведения в обществе и во время беседы.

1. Каждое ваше действие, осуществляемое в обществе других людей, следует сопровождать определенными знаками уважения по отношению к присутствующим.

2. Находясь в обществе, не прикасайтесь руками ни к каким частям своего тела.

3. Не показывайте вашему другу ничего такого, что могло бы его напугать.

И так далее.

Неужели я сказала «и так далее»? Какое там! Всего в «Правилах вежливости» было 110 пунктов, и более половины из них подчеркнуты – значит, один юнец полностью разделял воззрения второго на достойное поведение в обществе, хотя между ними пролегла пропасть в 150 лет! Я никак не могла решить, что вызывает у меня большее умиление – то, что мать Тинкера додумалась подарить ему эту книгу, или же то, что он постоянно держал ее под рукой.

Рабочее кресло за письменным столом было вращающимся. Я не выдержала и разок крутанулась вокруг собственной оси. Ящики, разумеется, вполне могли оказаться запертыми, однако ни один из них заперт не был. В нижних было пусто, а верхние набиты всякой всячиной. Но в среднем ящике поверх стопки каких-то деловых бумаг лежало письмо от отца Ив.

Дорогой мистер Грей! [sic!]

Я ценю вашу искреннюю заботу о моей дочери – особенно пока она находилась в больнице – и готов принять на веру ваши слова о том, что между вами и Ивлин никаких романтических отношений нет. Отчасти именно поэтому я вынужден – вопреки вашим предыдущим возражениям – настаивать на том, чтобы оплатить пребывание моей дочери в вашей квартире. К этому письму я прилагаю чек на \$1 000, за которым непременно последуют и другие. Пожалуйста, окажите мне любезность и обналичьте эти чеки самостоятельно.

Акт щедрости редко является концом той ответственности, которую один человек испытывает по отношению к другому; обычно как раз наоборот: щедрость кладет начало ответственности. Мало кто это понимает, но у меня нет сомнений, что вы-то как раз понимаете все отлично.

Если между вами и моей дочерью станут развиваться какие-то отношения, мне останется лишь полагаться на то, что вы не воспользуетесь ее состоянием, ее близостью или тем, как она понимает свой долг перед вами, и проявите сдержанность, свойственную настоящим джентльменам, и будете вести себя так вплоть до того момента, когда сочтете, что готовы поступить единственно возможным и правильным образом.

С благодарностью и доверием,

Чарлз Эверетт Росс

Я сложила письмо и снова убрала его в ящик стола, чувствуя, как возросло мое уважение к мистеру Россу. Его решительный, основанный на фактах тон письма – письма, написанного одним бизнесменом другому бизнесмену, – мог, по-моему, удержать от опрометчивых поступков даже Дон Жуана. Ничего удивительного, что Тинкер хранил это письмо практически на виду. Во всяком случае, там, где Ив наверняка могла бы его найти.

В главной спальне занавеси на окнах были раздернуты, и город сверкал вдали словно бриллиантовое ожерелье, которое точно знает, кому оно принадлежит и от кого находится максимально близко. Кровать была застлана сине-желтым покрывалом, той же расцветки была и обивка на двух креслах. Если вся остальная квартира была оформлена как некое идеальное гнездышко обеспеченного холостяка, то здесь как раз было достаточно цвета и комфорта, чтобы та женщина, которой повезет оказаться в этой спальне, не чувствовала себя здесь неким инородным телом. Что тоже явно было делом рук все того же неведомого лица.

В шкафу я обнаружила несколько новых дополнений к гардеробу Ивлин. Все эти вещи, должно быть, купил Тинкер, потому что они были, во-первых, недешевыми, а во-вторых, совершенно не в стиле Иви. Перебирая новенькие платья, словно карточки с рецептами коктейлей, я обратила внимание на синюю молодежную куртку. Это была моя куртка. И я как-то не сразу поняла, откуда она здесь взялась, ведь именно я распаковывала вещи Иви после ее переезда к Тинкеру. Но потом я вспомнила: в день аварии Иви как раз была в этой куртке. И вот, в полном соответствии с «Правилами вежливости и достойного поведения», эту куртку не только подобрали с земли, но и тщательно отчистили. Я повесила ее на прежнее место и закрыла шкаф.

В ванной на полочке было лекарство, которое постоянно принимала Ив. Какое-то обезболивающее. Я посмотрела в зеркало, размышляя о том, смогла бы я держаться так же стойко, оказавшись на ее месте.

И пришла к выводу, что вряд ли.

Когда я вернулась в гостиную, оказалось, что Ив исчезла.

Я быстро заглянула на кухню и в комнату прислуги. Потом развернулась и сунула нос в кабинет. Я уже начинала беспокоиться: вдруг она и в самом деле сбежала, и тут заметила, как шевельнулась занавеска на окне в гостиной, и на широком балконе мелькнул силуэт Ив в белом платье. Я вышла на балкон и присоединилась к ней.

– Привет, Кейти.

Если Ив и подозревала, что я шныряю по квартире, то ничем этого не показала.

Дождь со снегом прекратился, и ясное небо было усыпано звездами. По ту сторону парка поблескивали окна многоквартирных домов Ист-Сайда – казалось, что они находятся на противоположном берегу залива.

– А здесь, пожалуй, холодновато, – поежилась я.

– Но ради такого зрелища стоит и потерпеть, правда? Небо ночью такое, что просто дух захватывает, но, как это ни смешно, можно всю жизнь прожить на Манхэттене и никогда не увидеть такого неба. Точно мыши в искусственном лабиринте.

Ив была, конечно, права. В нижнем Ист-Сайде, например, целые улицы не видели неба из-за поднятых над землей железнодорожных путей, бесчисленных пожарных лестниц и паутины телефонных проводов, которые еще только предстояло убрать под землю. Большинство жителей Нью-Йорка вообще проводили свою жизнь где-то между тележкой торговца фруктами и пятым этажом дома. Увидеть город с высоты в несколько сотен футов, возвыситься надо всеми остальными с их убогим бытом – такая возможность существовала практически только для небожителей. И мы решили отдать должное предоставленному нам счастью.

– Тинкер не любит, когда я сюда выхожу, – сказала вдруг Ив. – Он почему-то убежден, что я собираюсь прыгнуть с балкона.

– А ты и впрямь собираешься?

Я очень старалась придать своему вопросу шутливую интонацию, но у меня ничего не вышло.

Ив, впрочем, ответила мне спокойно, попросту уничтожив любые подобные предположения четырьмя словами:

– Я же католичка, Кейти.

Мы помолчали. И тут обе заметили три зеленых огня на высоте тысячи футов над землей, движущиеся над парком куда-то к югу.

– Видишь, – сказала Ив, указывая в ту сторону пальцем. – Спорить готова на хороший ночной сон, что это маленький самолет кружит над Эмпайр-стейт-билдинг. Они все время так делают. По-моему, они просто от искушения удержаться не могут.

Как и в первые дни после больницы, когда Ив выражала полную готовность поскорее лечь, я помогла ей вернуться в спальню, снять чулки и платье, а потом подоткнула одеяло и поцеловала ее в лоб.

Она потянулась ко мне, взяла мое лицо в обе ладони и тоже поцеловала меня в лоб и сказала:

– Хорошо было с тобой повидаться, Кейти.

– Хочешь, чтобы я потушила свет?

Она скосила глаза на прикроватный столик и простонала:

– Нет, ты только посмотри! *Шарлотта Бронте. Эмили Бронте. Джейн Остин*. План моей реабилитации по Тинкеру. Но разве все эти писательницы не оставались до смерти старыми девами?

– По-моему, Остин так и осталась.

– Ну, и остальные тоже вполне могли бы.

Это замечание настолько застало меня врасплох, что я расхохоталась. Ив тоже засмеялась. Да так, что у нее даже волосы на лицо упали. Впервые с тех пор мы с ней так хорошо посмеялись – с той, самой первой недели нового года.

Когда я потушила у нее в комнате свет, Ив сказала, что мне нет никакого смысла дожидаться Тинкера и я преспокойно могу идти домой. Я уже почти собралась уходить, но тут вспомнила, что Тинкер заставил меня дать ему обещание, что до его возвращения я не уйду.

Так что я погасила свет в коридоре и почти во всей гостиной, а потом устроилась на диване, набросив на плечи белую шаль Ив, вытащила из середины стопки какую-то книгу и начала читать. Это была «Земля» Перл Бак⁵⁸. Когда я совершенно увязла уже на второй странице, то решила перелистать книгу до страницы 104 и начать читать оттуда. Но и это не помогло.

Я снова уставилась на стопку книг и некоторое время размышляла, какое название кажется мне наиболее привлекательным. Потом отнесла все эти книги в комнату для прислуги, а вместо них выложила на столик в гостиной десяток детективных романов. Их-то складывать по размеру необходимости не было: у всех размер был одинаковый. После проделанной работы я пошла на кухню и решила приготовить себе свою знаменитую «яичницу под крышкой».

Разбив в миску два яйца, я перемешала их с тертым сыром и травами, вылила все это на сковородку с нагретым маслом и прикрыла крышкой. Какую-то роль, видимо, играло и то, что масло я нагревала заранее, а сковороду сразу накрывала крышкой, но яичница у меня всегда

⁵⁸ Перл Бак (Pearl Buck), (1892–1973) – американская писательница и переводчица с китайского языка; перевела знаменитый китайский роман «Речные заводы» и сама много писала о Китае. В Китае ее называют китайской писательницей и дали ей имя Сай Чженьчжу. П. Бак – лауреат Пулитцеровской и Нобелевской (1938) премий.

получалась отменно пышной и поджаристой, но не подгорала. Так обычно готовил для меня яичницу отец, когда я была маленькой, хотя на завтрак яичницу мы никогда не ели. А еще отец всегда говорил, что яичница получается особенно вкусной, если двери на кухню закрыты.

Я уже доедала последние кусочки, когда услышала, что Тинкер вполголоса окликает меня.

– Я на кухне, – довольно громко сказала я.

Когда он туда вошел, на лице у него было написано явное облегчение.

– Вот ты где, оказывается.

– Куда ж я денусь.

Тинкер буквально рухнул на стул. Он по-прежнему был аккуратно причесан, и на галстуке сохранился все тот же сложный виндзорский узел, но, несмотря на свой безупречный облик, он явно устал, причем очень сильно. Веки припухли, во взгляде не чувствовалось ни капли энергии – в общем, он выглядел сейчас, как отец новорожденных близнецов, потрясенный тем, что вынужден теперь работать сверхурочно.

– Как все прошло? – осторожно спросил он.

– Отлично! Ив куда крепче, чем тебе кажется. А вскоре она и вовсе будет в полном порядке.

Я уже собиралась сказать, чтобы теперь Тинкер немного расслабился и дал Ив немного свободы, дабы сама ее природа могла взять свое – но удержалась: ведь не я же в тот вечер была за рулем!

– У нас есть офис в Палм-Бич, – сказал он через некоторое время. – Я вот подумываю, не отвезти ли ее туда на пару недель. Теплый климат и новое окружение ей не помешают. Что ты на сей счет думаешь?

– Звучит здорово.

– Мне просто кажется, что ей не вредно было бы сменить обстановку.

– У тебя такой измученный вид, что и тебе самому это не помешало бы.

Тинкер лишь устало улыбнулся в ответ.

Когда я встала, чтобы убрать со стола, он проводил мою пустую тарелку взглядом хорошо воспитанной, но очень голодной собаки, и я, разумеется, тут же принялась и ему жарить «яичницу под крышкой», старательно взбив яйца с сыром и зеленью. Проставив перед ним тарелку с румяной яичницей, я вспомнила, что видела в одном из кухонных шкафчиков бутылку столового шерри, откупорила ее и налила нам обоим по стакану. Мы маленькими глоточками пили шерри и болтали, плавно переходя с одной темы на другую и продолжая говорить вполголоса, в чем, собственно, не было никакой необходимости.

Упоминание о Флориде потянуло за собой воспоминания о Киз⁵⁹, и Тинкер тут же принялся рассказывать о том, как в детстве, прочитав «Остров сокровищ», копал вместе с братом на заднем дворе землю в поисках клада дублонов; после чего мы оба вспомнили «Робинзона Крузо» и свои мечты о том, чтобы тоже оказаться на необитаемом острове, и стали думать, какие две вещи хотели бы непременно иметь при себе, если бы нас в результате кораблекрушения выбросило на некий пустынный берег; Тинкер, естественно, назвал большой складной нож и кремь (что было вполне разумно), а я – колоду карт и «Уолдена» Торо⁶⁰ (что было совершенно неразумно), поскольку это, на мой взгляд, единственная книга, в которой бесконечность можно найти на любой странице.

⁵⁹ Флорида-Киз – архипелаг у южного побережья штата Флорида. (Прим. ред.)

⁶⁰ Генри Дэвид Торо (1817–1862) – американский писатель и мыслитель, представитель трансцендентализма. Философский роман «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854) – это робинзонада о жизни человека в мире природы как возможности спасения личности от современной «цивилизации потребления». Этот роман неоднократно упоминается в данной книге.

И на мгновение мы позволили себе вообразить, что мы по-прежнему сидим в кафе у Макса, и наши колени соприкасаются под столом, и чайки кружат над крутым шпилем церкви Троицы, и перед нами все еще открыты те яркие возможности, которые влечет за собой наступление нового года.

Ох уж эти воспоминания о былом, как любил говорить мой отец: если не будешь осторожен, они тебя запросто распотрошат, как рыбку.

В вестибюле Тинкер снова взял меня за руки и сказал:

– Рад был повидаться с тобой, Кейти.

– И я тоже.

Когда я чуть отступила, собираясь уходить, он отпустил меня не сразу. Вид у него был такой, словно он борется с собой, решая, сказать мне что-то или не говорить. И вместо слов – а ведь на том конце коридора спала Ив! – он взял и поцеловал меня.

Это не был решительный поцелуй. Это был поцелуй-исследование. От меня требовалось совсем немного: чуть наклониться вперед, и тогда бы он, конечно же, крепко меня обнял. Но куда при нынешних обстоятельствах это могло бы нас привести?

А потому я нежно высвободила руки и приложила ладонь к его гладкой щеке, обретая покой в добром совете хранить терпение ради того, что «все покрывает, всему верит, на все надеется, все переносит»⁶¹.

– Ты очень милый, Тинкер Грей.

Загудел приближающийся лифт. Я успела опустить руки, прежде чем Гамильтон раздвинул дверцы кабины. Тинкер кивнул ему и сунул руки в карманы пиджака.

– Спасибо за яичницу, – сказал он на прощание.

– Ты особо не надейся. Это единственное, что я умею готовить.

Тинкер улыбнулся, и в этой улыбке на мгновение промелькнуло его настоящее «я».

Когда я уже вошла в кабину лифта, он сказал:

– Нам не удалось поговорить даже о том, где ты теперь живешь. Можно, я как-нибудь к тебе загляну, в твоё новое жилище? Скажем, на следующей неделе?

– Это было бы замечательно.

Гамильтон почтительно ждал, когда мы завершим разговор.

– Ладно, Гамильтон, поехали, – сказала я.

Он закрыл дверцы, нажал на кнопку, и мы поехали вниз. Лифтер потихоньку насвистывал, глядя, как мелькают этажи.

После Гражданской войны имена таких отцов-основателей, как Вашингтон и Джефферсон, стали невероятно популярны у чернокожего населения Америки. Но впервые в жизни я встретила негра, которого назвали в честь погибшего на дуэли создателя Банка США⁶². Когда мы спустились в вестибюль, я вышла из кабины и уже хотела было спросить у Гамильтона, кто его так назвал, но тут зазвонил колокольчик вызова, и он, успев лишь плечами пожать, вновь исчез за бесшумно закрывшимися бронзовыми дверцами лифта.

⁶¹ Автор перефразирует цитату из 1-го Послания Коринфянам апостола Павла (13, 4–7), где говорится о любви: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует..., не мыслит зла..., не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, на все надеется, все переносит».

⁶² Федералист Александр Гамильтон (1757–1804) был первым министром финансов США и основателем Банка США. Его политика не пользовалась популярностью в южных штатах, особенно у чернокожего населения. В 1804 г. после серии едких памфлетов, написанных Гамильтоном, демократ Аарон Бэр (1756–1836), вице-президент США, офицер и дуэлянт, вызвал его на дуэль и убил в местечке Уихокен, штат Нью-Джерси.

Эти замечательные дверцы были украшены литьем в виде щита с изображенным на нем драконом и девизом «Бересфорда»: FRONTA NULLA FIDES⁶³, что значит «Не доверяй внешности». Еще бы.

Несмотря на то, что сурок тени так и не отбросил⁶⁴, зима все-таки взяла Нью-Йорк в осаду еще на три недели. Крокусы в Центральном парке замерзли, певчие птицы пришли к единственному разумному решению и повернули обратно в Бразилию; ну а «масса Тинка» – кто бы сомневался! – уже в ближайший понедельник увез мисс Ивлин в Палм-Бич, не соизволив даже сказать мне об этом.

⁶³ Верно *fronti nulla fides*, в оригинал закралась опечатка. (Прим. ред.)

⁶⁴ Это американская традиция; если в так называемый «день сурка», 2 февраля, сурок не отбрасывает тени, то считается, что пришла весна. (Прим. авт.)

Глава шестая

Апрель, беспощадный месяц⁶⁵

Однажды вечером я стояла на станции IRT⁶⁶ «Уолл-стрит» и в числе прочих плебеев ждала возможности поехать домой. Предыдущий поезд ушел минут двадцать назад, и на платформе уже опять собралась целая толпа – сплошные шляпы, вздохи и кое-как свернутые в трубку утренние газеты. На полу рядом со мной стоял чей-то переполненный чемодан, для пущей надежности перевязанный бечевкой. Разве что детей в толпе не было, а так с легкостью можно было себе представить, как эта станция выглядела во время войны.

Какой-то мужчина, протискиваясь мимо меня, неловко задел мой локоть. У него были каштановые волосы и кашемировое пальто. Как ни странно, он оказался человеком несовершенным и обернулся, чтобы извиниться. И на мгновение мне показалось, что это Тинкер.

Впрочем, не стоило и надеяться.

Тинкер Грей никак не мог даже появиться поблизости от IRT. Они уже неделю отдыхали в Палм-Бич, когда Ив прислала мне первую открытку из отеля «Брейкерз», где они остановились. *Сестренка, нам тебя ужасно не хватает...* В общем, что-то в этом роде. И Тинкер откликался эхом на полях ее писем или печатными буквами рядом с моим адресом на конверте и вокруг марки. На той открытке Ив стрелкой указала на их балкон с видом на пляж. На пляже она изобразила воткнутое в песок предупреждение: НЕ ПРЫГАТЬ! В постскриптуме было написано: *Увидимся через неделю*. Но прошло еще две недели, и я получила от нее очередную открытку – уже из Ки-Уэст – с видом на марину.

А я в это время взяла на перепечатку пять тысяч страниц надиктованного текста и уже успела разобрать и перепечатать четыреста тысяч слов. Текст был написан языком столь же серым и невыразительным, как погода за окном. Я сшивала раздробленные инфинитивы и ставила на место болтающиеся определения. В итоге я буквально до дыр протерла на заднице свою лучшую фланелевую юбку. А по вечерам, в полном одиночестве устроившись за кухонным столом, я ела тосты с арахисовым маслом и играла в карты с воображаемыми партнерами, упорно сражаясь с тоской, из-за чего иной раз забредала даже в романы Э. М. Форстера⁶⁷ – просто чтобы понять, зачем ему понадобилось тратить столько слов. Существовая в таком режиме, я сэкономила 14 долларов и 57 центов.

Мой отец вполне мог бы мною гордиться.

* * *

Тот любезный незнакомец, ловко маневрируя в толпе, пробрался все же к самому краю платформы и остановился возле робкой молодой женщины, похожей на мышку, которая при его приближении подняла глаза и случайно встретилась со мной взглядом. Оказалось, что это Шарлотта Сайкс, та самая одаренная машинистка, что умела поразительно быстро печатать. У нас в комнате она сидела рядом со мной, слева.

⁶⁵ В качестве названия главы автором использована первая строка поэмы Т. Элиота «Wasteland» («Бесплодная земля», 1922) «Апрель, беспощадный месяц, выводит // Сирень из мертвой земли, мешаят...» (пер. Андрея Сергеева).

⁶⁶ Interborough Rapid Transit – основанная в 1904 году компания, частный оператор линий метро Нью-Йорка, а ранее и надземных железных дорог и дополнительных линий. С 1940 года принадлежит Нью-Йорку.

⁶⁷ Эдвард Морган Форстер (1879–1970) – английский писатель, автор психологических романов на семейно-бытовые и моральные темы – «Куда боятся ступить ангелы», «Комната с видом» и др.

У Шарлотты были густые черные брови, тонкие черты лица и чудесная кожа. Она вполне могла бы даже очаровать кого-то из представителей противоположного пола, если бы не держалась так, словно Нью-Йорк готов в любой момент наступить на нее и раздавить.

Сегодня Шарлотта надела шляпку-коробочку, тулью которой украшала похоронного вида хризантема. Я знала, что живет она где-то в нижнем Ист-Сайде и, похоже, под моим «чутким руководством» частенько допоздна остается на работе. Иной раз она прибегала на эту остановку даже на несколько минут позже меня. Шарлотта осторожно посматривала в мою сторону, явно набираясь храбрости, чтобы ко мне подойти. Чтобы у нее не оставалось никаких сомнений, я вытащила из сумки «Комнату с видом» Форстера и открыла ее на первой попавшейся главе – на шестой, как оказалось. Есть одна «милая» странность человеческой природы: многие с невероятной легкостью вступают в чужой разговор, но даже не подойдут к вам, если вы в полном одиночестве читаете книжку, даже если это всего лишь глупый любовный роман:

Джордж обернулся, заслышав ее шаги. Несколько мгновений он смотрел на нее с таким изумлением, словно она свалилась с небес. Он не мог не замечать, что лицо ее сияет от радости и, кажется, даже цветы у нее на платье трепещут от восторга...

Трепет цветов был прерван подлетевшим поездом. Собравшиеся на платформе «беженцы» подхватили свой скарб и ринулись к дверям, готовясь сразиться за возможность влезть в вагон. Я не стала толкаться в этой толпе, которая обтекала меня с обеих сторон, прекрасно зная, что, когда станция настолько загружена, лучше все-таки проявить терпение и дожидаться следующего поезда.

Занявшие стратегически важную позицию вдоль дальнего края платформы контролеры-кондукторы в маленьких зеленых шапочках в часы пик действовали как настоящие копы во время чрезвычайных происшествий; вот и сейчас они расправили плечи, готовясь толкать людей назад или вперед в зависимости от необходимости. Двери открылись, и толпа хлынула в вагоны. Иссиня-черная хризантема на шляпке Шарлотты так и подскакивала над морем людских голов, точно мусор на волнах.

– Проходите в вагоны, не скапливайтесь у дверей, – кричали кондукторы, без разбора подталкивая в спину и высоких, и низких.

Еще мгновение, и поезд умчался, оставив на платформе незначительное количество тех, кто, как и я, оказался чуточку мудрее. Я опять сделала вид, будто переворачиваю страницы книги, стремясь как-то оградить свое одиночество.

– Кэтрин!

– Шарлотта...

Ей, видимо, в последнюю минуту все-таки удалось извернуться и по своим следам – подобно разведчику из племени чероки – выбраться из людского месива.

– А я и не знала, что вы тоже на этом поезде ездите, – неумело соврала она.

– Каждый день.

Она покраснела, чувствуя, что ее маленькую ложь раскусили. Легкий румянец на щеках был ей, безусловно, очень к лицу. Мне даже захотелось посоветовать ей почаще попадать впро�ак и краснеть от смущения.

– А где вы живете? – спросила она.

– На Одиннадцатой улице.

Шарлотта мгновенно просияла.

– Так мы же *почти соседи!* Я живу на Ладлоу. В нескольких кварталах к востоку от Бауэри.

– Я знаю, где находится Ладлоу.

Она смущенно улыбнулась.

– Да, конечно.

В руках у нее была большая папка с документами, и она прижимала ее к животу, как маленькая школьница прижимает к себе учебники. Судя по толщине папки, это, скорее всего, был черновик торгового соглашения или очередной план-предложение. Впрочем, что бы это ни было, а брать домой документы ей точно не следовало.

Я позволила затянувшемуся молчанию стать неловким, и снова она заговорила первой:

– Вы в этих местах выросли?

– Я выросла на Брайтон-Бич.

– Вот это да! – восхитилась она.

Она уже собиралась спросить, как мне жилось на Брайтон-Бич, или по какой ветке метро туда можно доехать, или бывала ли я когда-нибудь на Кони-Айленд, но меня спас подошедший поезд. Пассажиров на платформе было по-прежнему немного, так что контролеры практически не обращали на нас внимания и курили с таким отрешенным видом и таким спокойствием, как курят усталые солдаты в перерыве между атаками.

Шарлотта села рядом со мной. На скамье напротив сидела какая-то женщина средних лет, судя по виду горничная из какого-то отеля, которая упорно на нас не смотрела и даже глаз ни разу не подняла. На ней было старое пальто винного цвета, а из-под него выглядывала ее черно-белая униформа и скромные практичные туфли. У нее над головой плакат Министерства здравоохранения сурово осуждал тех, кто чихает, не прикрывая лицо носовым платком.

– А вы давно у мисс Маркхэм работаете? – спросила Шарлотта.

Это она правильно сказала. Именно «у мисс Маркхэм», а не в «Куиггин и Хейл».

– С 1934-го, – ответила я.

– Но тогда вы там, наверное, старше почти всех девушек?

– Вовсе нет.

Несколько секунд мы обе молчали, и я уж подумала, что она наконец-то догадалась, что разговаривать мне совсем не хочется. Но тут Шарлотта вдруг разразилась восторженным монологом:

– Правда ведь, мисс Маркхэм – это что-то? Я таких людей больше никогда не встречала. А как она умеет произвести впечатление! Знаете, она ведь очень хорошо говорит по-французски. Я сама слышала, как она разговаривала по-французски с кем-то из партнеров. Поклясться готова: она всего один разок глянет на набросок письма – и слово в слово все запомнит!

Я никак не ожидала, что Шарлотта примется болтать, да еще и со скоростью в два раза больше обычного. «Может, это у нее что-то нервное?» – думала я. Или ей просто хочется высказать как можно больше, пока поезд не прибыл на ее станцию?

– ...Но с другой стороны, – продолжала трещать она, – в «Куиггин и Хейл» вообще все *очень милые*, ну просто *очень*! Даже партнеры! Я тут на днях заходила в кабинет мистера Куиггина – мне нужно было кое-что у него подписать. Вы были у него в кабинете? Ну конечно же, были! И наверняка видели, какой у него там аквариум. Рыбы в нем прямо-таки полно, а одна маленькая рыбка – синяя-синяя, просто удивительного оттенка! – носом прижалась к стеклу и смотрела на меня. И я тоже глаз от нее отвести не могла. Хотя мисс Маркхэм постоянно нам говорит, чтобы мы не позволяли себе «блуждать взглядом», входя в кабинет кого-либо из партнеров фирмы. А вот мистер Куиггин, как только покончил с бумагами, сразу встал из-за стола, подошел ко мне и стал рассказывать, какая из его рыб как называется на латыни!

Шарлотта на полной скорости неслась дальше, а я заметила, что та горничная, что сидела напротив нас, подняла глаза и внимательно смотрит на Шарлотту. Она явно прислушивалась к ее рассказу, и на лице у нее было такое выражение, словно это она сама еще совсем недавно стояла перед огромным аквариумом в кабинете своего шефа, и в те времена у нее тоже были тонкие, как у Шарлотты, черты лица и прекрасная кожа, и глаза у нее тогда были полны надежды и широко распахнуты навстречу миру, и ей тоже этот мир казался справедливым и полным чудес.

Поезд прибыл на станцию «Канал-стрит»⁶⁸, двери открылись, но Шарлотта была так увлечена, что этого даже не заметила.

– Разве это не ваша остановка?

Шарлотта ойкнула, подскочила, застенчиво и очень мило помахала мне рукой и исчезла.

И лишь когда двери уже закрылись, я заметила, что папка с документами так и осталась на сиденье рядом со мной. К первой странице была скрепкой пришпилена пометка: *Взято со стола Томаса Харпера, эсквайра*. Так звали молоденького юриста из компании «Кемден и Клей». Пометка была написана от руки его полудетским почерком. Возможно, он просто свалил на Шарлотту часть своих обязанностей, воспользовавшись своим обаянием примерного школьника, и попросил ее доставить документы. Впрочем, особо очаровывать Шарлотту ему и не требовалось: она была прямо-таки создана для того, чтобы ее кто-нибудь очаровывал. Или смущал. Но в любом случае им обоим явно не хватало здравомыслия. Ведь если Нью-Йорк – это машина со множеством людей-винтиков, то нехватка здравомыслия у одних как раз и служит той необходимой смазкой, которая дает возможность другим, то есть нам, остальным винтикам, крутиться гладко, без задержки. Ну что ж, в итоге эти двое, так или иначе, получают по заслугам. Я положила папку обратно на сиденье.

Мы все еще стояли на той же станции. На платформе у закрытых дверей вагона собралась небольшая группа жителей пригорода, и они с надеждой смотрели на нас сквозь стекла, словно рыбы в аквариуме мистера Куиггина. Я отвела от них взгляд и вдруг заметила, что та горничная печально на меня смотрит, время от времени словно указывая глазами на забытую папку с документами. Смотрит так, словно хочет сказать: по заслугам получают не они, а она, эта девочка. А симпатичный парнишка Томас Харпер, обладающий хорошо подвешенным языком и мальчишеской челкой, спадающей на лоб, наверняка сумеет как-то отболтаться. В общем, расплачиваться за небрежность обоих придется той маленькой мисс Большие Глаза.

Двери вагона снова открылись, и жители пригорода ринулись на свободные места.

– Вот ведь дерьмо! – мрачно буркнула я, схватила папку и успела всунуть руку между створками дверей, не дав им закрыться.

– Ты что это, моя лапочка? – с укором сказал мне один из контролеров.

– Сам ты лапочка! – рявкнула я и ринулась в сторону лестницы, выходящей к Ист-Сайду, а потом стала пробираться сквозь толпу в сторону Ладлоу, высматривая среди широкополых шляп и набриолиненных волос шляпку Шарлотты с качающейся на ней черной хризантемой. Если через пять кварталов я ее догнать не сумею, сердито уверяла я себя, то эта папка отправится на переговоры с первым же мусорным баком!

Я увидела ее на углу Канал-стрит и Кристи.

Она стояла перед магазином «Шоц и сыновья» – кошерной лавкой, торгующей всевозможными маринованными продуктами. Но ничего не покупала, а просто беседовала с какой-то крошечной старушкой с такими же, как у нее самой, черными глазами. Одежда на старушке тоже была какая-то траурная – видимо, у них это семейное, подумала я. В руках у пожилой дамы был локс⁶⁹, явно купленный к ужину и завернутый во вчерашнюю газету.

– Прошу прощения...

Шарлотта вскинула глаза, увидела меня, и удивление сменилось у нее на лице девчоночьей улыбкой до ушей.

– Кэтрин!

⁶⁸ Канал-стрит – одна из важнейших улиц нижнего Манхэттена, соединяющая Манхэттен с Джерси-сити посредством подводного туннеля под Гудзоном.

⁶⁹ Лох (идиш) – вариант копченого лосося.

И она тут же с гордостью указала на черноглазую старушку:

– А это моя бабушка!

(Да уж, тут трудно было ошибиться!)

– Рада с вами познакомиться, – любезно улыбнулась я.

Шарлотта что-то сказала на идиш, видимо, объясняя бабушке, что мы вместе работаем.

– Вот. Вы забыли это в поезде, – сказала я, подавая ей папку.

Улыбка сползла с лица Шарлотты. Побледнев, она взяла папку и в ужасе пролепетала:

– И как это я могла допустить такую оплошность! Просто позор! Уж и не знаю, как мне вас благодарить!

– Ладно, забудьте.

Она секунду помолчала, а потом, не выдержав, призналась:

– Мистер Харпер завтра прямо с утра встречается с неким важным клиентом, а это нужно было к девяти утра отнести в «Кемден и Клей», вот мистер Харпер и попросил меня, поскольку мне это по пути, занести в наш офис...

– Похоже, у мистера Харпера имеется не только диплом Гарварда, но и собственный трастовый фонд?

Шарлотта с недоумением уставилась на меня своими большими темными глазами, очень похожими на коровьи, но я объяснять не стала и продолжила свою мысль:

– Очень это ему поможет, когда его все-таки с работы вышвырнут!

Бабушка Шарлотты смотрела на мои руки. А Шарлотта – на мои туфли.

Летом продавцы из магазина «Шоц» выкатывали прямо на тротуар бочонки с пикулями, селедкой и солеными арбузами, щедро расплескивая маринады и рассолы, так что даже сейчас, восемь месяцев спустя, в воздухе все еще витал запах этих яств.

Старая женщина что-то сказала Шарлотте.

– Моя бабушка спрашивает, – перевела она мне, – не поужинаете ли вы с нами.

– Боюсь, что, к сожалению, не смогу. У меня назначена встреча.

И Шарлотта перевела мои слова бабушке, хотя в этом не было ни малейшей необходимости.

От Канал-стрит мне нужно было пройти до дому пятнадцать кварталов, что, впрочем, было кварталов на десять меньше, чем если бы я попыталась добраться по другой ветке подземки. Так что, как говорят в этом районе, я *пошлепала* дальше пешком, на каждом перекрестке внимательно поглядывая налево и направо. Хестер-стрит, Гранд-стрит, Брум-стрит, Спринг. Принс-стрит, Первая улица. Вторая, Третья... Каждый квартал выглядел как тупик в какой-то чужой стране. Воткнутые среди жилых зданий, всюду торчали магазины «Отец и сыновья такие-то», в которых продавались несколько переиначенные продукты как бы «с родины» – *свои* колбасы и сыры, *своя* копченая или соленая рыба, которую, завернув ее в итальянские или украинские газеты, несли домой *свои* непокоренные бабушки. Подняв глаза, можно было увидеть за окнами двухкомнатных квартир три поколения одной семьи, каждый вечер собиравшиеся за ужином и слепленные вместе религиозной приверженностью, липкой, как сахарин, и странной, как их послеобеденные ликеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.